

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СТРАНА

ЖИВЫХЪ ИСКОПАЕМЫХЪ.

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

СОСТАВИЛЪ
П. Вольногорскій.

Выпускъ первый.

МОСКВА.
Издание К. И. Тихомирова.
1904.

СТРАНА ЖИВЫХЪ ИСКОПАЕМЫХЪ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ АВСТРАЛИИ.

Съ хромолитографированной картиной и 44 рисунками
въ текстѣ.

МОСКВА.
Издание К. И. Тихомирова.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 17 ноября 1903 г.

Лит. Т.^{ва} И. Н. Кушнеревъ и К^о, Москва

УТКОНОСЪ.

Страна живыхъ ископаемыхъ.

(Черты изъ жизни животныхъ Австрали.)

I.

Всѣ мои читатели, конечно, отлично знаютъ, что мы живемъ по срединѣ громаднаго материка, состоящаго изъ трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки,—омываемаго съ четырехъ сторонъ четырьмя громадными океанами. Этотъ громадный материкъ былъ уже издавна извѣстенъ людямъ, которые и называютъ его поэтому Старымъ Свѣтомъ.

Четыреста слишкомъ лѣтъ тому назадъ жители Стараго Свѣта съ удивленіемъ узнали, что къ западу отъ ихъ громаднаго материка находится другой большой материкъ—Америка, который назвали Новымъ Свѣтомъ.

Нѣсколько времени спустя, въ началѣ семнадцатаго столѣтія голландскіе мореходы открыли къ юго-востоку отъ Азіи еще одинъ материкъ, который былъ названъ Новѣйшимъ Свѣтомъ, такъ какъ онъ былъ открытъ позже другихъ, или Австраліей, потому что это—единственный материкъ, цѣликомъ лежащій къ югу отъ экватора („australis“ значитъ по-латыни „южный“). Австралія мало походитъ на другіе материки: значительно уступая имъ по величинѣ, она представляетъ изъ себя какъ бы огромный островъ, отдѣленный отъ всѣхъ другихъ материковъ необъятнымъ просторомъ Великаго и Индійскаго океановъ. Только съ сѣверо-западной стороны отъ Австраліи тянется къ берегамъ юго-

восточной Азіи многочисленная группа острововъ, извѣстная подъ общимъ именемъ Малайскаго архипелага, самаго большого на всемъ земномъ шарѣ. Извѣстный географъ Элизе Реклю сравниваетъ Малайскій архипелагъ съ обрушившимся мостомъ, соединявшимъ нѣкогда Азію съ Австраліей.

Сѣверная половина материка Австраліи лежитъ въ жаркомъ поясѣ, не доходя болѣе чѣмъ на 1000 верстъ до экватора, южная же—въ южномъ умѣренномъ; здѣсь зимою, которая бываетъ во время нашего лѣта, иногда выпадаетъ даже снѣгъ, особенно въ возвышенныхъ гористыхъ мѣстностяхъ.

Пейзажъ Австраліи довольно унылъ и однообразенъ. Мѣстами встрѣчаются лѣса, состоящіе изъ рѣдкихъ, хотя и громадныхъ деревьевъ—эвкалиптовъ съ тусклою сѣровато-зеленою листвою, черезъ которую свободно прокладываютъ себѣ дорогу жгучіе лучи солнца, или передъ глазами путешественника развертываются обширныя уходящія въ безконечную даль равнины, поросшія густо сплетшимся между собою, иногда колючимъ, кустарникомъ, сквозь который лишь съ трудомъ можно пробраться, да и то работая налѣво и направо топоромъ. Подобныя пространства въ Австраліи называются скрубами и составляютъ истинное бѣдствіе европейскихъ колонистовъ.

Впрочемъ, помимо лѣса и скруба, въ Австраліи имѣются обширныя степныя пространства, покрывающіяся въ дождливое время года сочною травой, дающей питательный кормъ многочисленнымъ стадамъ европейскихъ животныхъ, разводимыхъ здѣсь колонистами: овцамъ, лошадямъ и крупному рогатому скоту.

Рѣки Австраліи мало походятъ на наши. Большія судоходныя рѣки находятся только въ юго-восточной Австраліи, гдѣ выпадаетъ больше дождей, въ горахъ долѣе держится снѣгъ, и нѣтъ того иссушающаго зноя, который такъ удручаетъ путешественника во внутрен-

ней части Австраліи. Тамъ въ жаркое время года всѣмъ нѣтъ рѣкъ и видны только одни лишенныя воды сухія русла, усыпанныя горячимъ пескомъ, да кое-гдѣ видяются солончаки, покрытые по краямъ бѣлою коркой соли. Но наступаетъ дождливое время года, и эти сухія русла наполняются водою, превращаясь въ свирѣпыя бурные потоки, часто выходящіе изъ береговъ и причиняющіе не мало бѣдъ колонистамъ. Такія рѣки въ Австраліи называются криками.

Въ Австраліи есть только одна большая рѣка Мэррей, напоминающая крупныя рѣки другихъ материковъ. Большая часть австралійскихъ рѣкъ представляетъ скорѣе поверхностные потоки, наполняющіеся водою лишь во время дождей. Въ сухое время года онѣ быстро высыхаютъ подъ вліяніемъ знойныхъ лучей австралійскаго солнца или превращаются въ цѣпи озеръ. Зато при наступленіи дождливаго времени года громадные потоки воды наполняютъ сухія русла рѣкъ, увлекаая съ собою крупныя стволы деревьевъ и массу камней; это служитъ яркимъ свидѣтелемъ необузданной силы теченія. Только Мэррей и его притоки представляютъ постоянныя рѣки, круглый годъ удобныя для пароходства, хотя и въ нихъ количество воды значительно мѣняется, въ зависимости отъ времени года.

Дожди, выпадающіе внутри материка, слишкомъ незначительны, чтобы проложить себѣ дорогу къ океану; они образуютъ здѣсь крики, постепенно теряющіеся въ сухой почвѣ.

Климатъ Австраліи круглый годъ равномернo теплый и, хотя отличается необычайной сухостью, но все же вообще говоря, считается очень здоровымъ для европейцевъ. Тогда какъ въ Европѣ, въ среднемъ, изъ тысячи человѣкъ ежегодно умираетъ 25, въ Австраліи на то же количество приходится не болѣе 12 смертныхъ случаевъ. Само собою понятно, что климатъ да-

леко не одинаковъ въ различныхъ мѣстахъ обширнаго австралійскаго материка; здѣсь мы встрѣчаемъ всевозможные переходы, начиная съ тропическаго зноя на сѣверѣ до болѣе прохладнаго и пріятнаго климата на югѣ. Наиболѣе населенныя области Новаго Южнаго Уэльса, Южной и Западной Австраліи имѣютъ климатъ, похожій на климатъ южной Европы, пріятный въ теченіе осени, зимы и весны и черезчуръ знойный въ теченіе лѣта: въ это время здѣсь дуютъ сухіе вѣтры изъ внутренней части материка; хорошо, что они продолжаются лишь въ теченіе непродолжительныхъ промежутковъ времени; эти знойные, сухіе вѣтры столь же тяжки для человѣка, какъ самумъ африканскихъ пустынь. Иногда они смѣняются холоднымъ, необычайно жестокимъ южнымъ вѣтромъ, извѣстнымъ въ Австраліи подъ именемъ „южнаго урагана“, при чемъ термометръ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ падаетъ на 25—30 градусовъ Р.

Еще болѣе невыносимы знойные вѣтры внутри материка. Наблюдались случаи, когда во время этихъ вѣтровъ термометръ поднимался до +40 гр. Р.; это, вообще, самая высокая температура воздуха, когда-либо наблюдавшаяся на земномъ шарѣ. Столь сильно нагрѣтый воздухъ неминуемо повлекъ бы за собою смерть всего живого, попадающагося ему на пути, если бы температура его держалась значительное время. Вообще, зной внутри материка Австраліи часто бываетъ нестерпимымъ; иногда термометръ въ тѣни показываетъ +30° R; въ такую жару гвозди выскакиваютъ изъ досокъ ящиковъ, роговыя ручки инструментовъ и гребни раскалываются на мелкія щепы, изъ карандашей выскакиваетъ графитъ, и ногти на пальцахъ дѣлаются хрупкими, какъ стекло.

Всѣ части Австраліи страдаютъ болѣе или менѣе отъ періодическихъ засухъ, несмотря на то, что, въ общемъ, количество выпадающихъ дождей здѣсь даже

болѣе, нежели въ Западной Европѣ. Это объясняется тѣмъ, что обильные дожди, часто принимающіе характеръ даже ливней, идутъ здѣсь лишь въ теченіе зимы южнаго полушарія.

Какъ извѣстно, времена года въ Австраліи обратны сравнительно съ временами года сѣвернаго полушарія. Такимъ образомъ, весна начинается 11-го сентября, лѣто — 9-го декабря, когда бываетъ тамъ самый длинный день; осень — 9-го марта и зима — 9-го іюня (самый короткій день). Такимъ образомъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ года въ Австраліи совсѣмъ не выпадаетъ дождя или его выпадаетъ очень мало, равнины же внутренней части материка часто не получаютъ ни капли дождя въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ подъ рядъ.

Несмотря на знойный климатъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Австраліи все же выпадаетъ снѣгъ. Многія изъ высокихъ горъ покрываются каждую зиму снѣгомъ, и его остатки въ защищенныхъ отъ солнца ущельяхъ сохраняются все лѣто, несмотря на то, что самыя высокія вершины Австраліи лежатъ ниже границы вѣчнаго снѣга.

Наступленіе весны въ Австраліи не ознаменовывается, какъ у насъ, распусканіемъ листьевъ на деревьяхъ. Въ Австраліи не существуетъ періодической смѣны листвы: деревья сбрасываютъ и обновляютъ свои листья въ теченіе цѣлаго года. Но трава, выгладѣвшая желтой и засохшей въ теченіе зимы, начинаетъ развивать новые отпрыски, придавая всему ландшафту болѣе живую окраску. Воздухъ исполненъ удивительной чистоты и свѣжести, и на темно-голубомъ небѣ рѣзко вырисовываются высокія, богато развѣтвленныя, покрытыя пышной листвою, но все же просвѣчивающіяся насквозь очертанія эвкалиптовыхъ деревьевъ. Насколько только хватаетъ глазъ, вся земля покрыта травою, и лишь въ глубинѣ безводнаго русла рѣки поблескиваетъ желтоватый песокъ. Когда смотришь на

мѣстность съ какого-нибудь возвышенія, окидывая взглядомъ хребты выдающихся горъ, то кажется, что высоты и низменности, горы и долины—всѣ одинаково покрыты лѣсомъ.

Однако, сколько ни пытаешься подобраться ближе къ этому лѣсу, онъ все уходитъ назадъ. Правда, мы видимъ окруженными себя со всѣхъ сторонъ деревьями, но они отстоятъ такъ далеко другъ отъ друга, что не можетъ быть и рѣчи о лѣсѣ, да въ Австраліи никогда и не приходится слышать слово „лѣсъ“ (forest). Мы находимся среди типичнаго ландшафта парка. Деревья отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 20—30 метровъ, не допуская около себя никакихъ сосѣдей, по близости ихъ нѣтъ даже никакой заросли; широкіе распростертые корни ихъ, проникающіе на глубину 60—70 метровъ, быстро высасываютъ всю влагу изъ окрестной почвы и, такимъ образомъ, препятствуютъ появленію всякаго мало-мальски замѣтнаго соперника. Только злаки и такія растенія, которыя не пускаютъ своихъ корней глубоко въ землю могутъ развиваться въ окрестности этихъ деревьевъ; это происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что деревья австралійскаго лѣса, принадлежащія по преимуществу къ семейству эвкалиптовъ, совершенно не затѣняютъ окрестности.

Правда, эвкалипты отличаются богатыми развѣтвленіями и покрыты пышной листвою, но листья ихъ мелки; свѣшиваясь вертикально съ вѣтвей и располагая свои пластинки непараллельно поверхности почвы, они не отбрасываютъ почти никакой тѣни, когда солнце стоитъ высоко на небѣ, что въ этихъ широтахъ имѣетъ мѣсто большую часть дня. Такимъ образомъ, подъ деревьями можетъ пышно развиваться трава, такъ какъ получаетъ въ изобиліи свѣтъ, а нужную влагу она, подобно корнямъ своихъ могучихъ сосѣдей, добываетъ изъ поверхностныхъ слоевъ почвы.

Однако, запасъ воды въ почвѣ довольно ограниченъ. Если на извѣстномъ участкѣ истребить всѣ деревья, то травянистая растительность развивается болѣе пышно и бываетъ въ состояніи пропитать болѣе, нежели двойное число пастбищныхъ животныхъ.

Основываясь на этомъ, скваттеры обыкновенно истребляютъ деревья на извѣстныхъ опредѣленныхъ про-

Эвкалиптовый лѣсъ.

странствахъ, предназначенныхъ для пастбищъ, посредствомъ такъ называемаго „кольцеванія“. „Кольцеваніе“ производится двумя способами. Или съ дерева на высотѣ половины человѣческаго роста снимаютъ только кору пожемъ полосой въ 30—40 сантиметровъ ширины; или дѣлаютъ несравненно болѣе узкое кольцо, но зато пробуютъ его гораздо глубже, захватывая также и находящійся подъ корою слой молодой древесины. Второй

Эвкалиптовый лѣсъ.

способъ болѣе надеженъ, быстрѣе дѣйствуетъ и употребляется теперь по преимуществу. Кольцованныя такимъ образомъ деревья умираютъ въ промежутокъ времени отъ 4 до 6 и, самое большее, до 8 мѣсяцевъ. Но такъ какъ древесина эвкалиптовъ и акацій отличается значительной прочностью и твердостью, то трупы деревьевъ еще много лѣтъ остаются стоять, пока, наконецъ, не будутъ опрокинуты бурей или истреблены пожаромъ скруба. Ни одинъ ландшафтъ не производитъ столь безотраднaго впечатлѣнiя, какъ мѣстность, покрытая подобными кольцованными умершими деревьями: на протяженiи многихъ миль древесныя мумiи простираютъ свои засохшія безлистные вѣтви надъ свѣжей зеленѣющей подъ ними травой, какъ бы служа предзнаменованiемъ тому, что дни австралійскаго лѣса сочтены, и онъ скоро долженъ будетъ пасть жертвой чelовѣка.

Среди подобнаго рѣдкаго лѣса разбросаны повсюду заросли, извѣстныя подъ именемъ „скруба“, столь же характерныя для Австралiи, какъ и самый лѣсъ. На нѣкоторыхъ участкахъ вблизи береговъ, въ горахъ и во влажныхъ ущельяхъ сѣверной части Квинслэнда существуютъ настоящіе первобытныя тропическіе лѣса, которые австралійцы обозначаютъ именемъ „тропическаго скруба“ („tropical scrub“). Слѣдуетъ строго различать „тропическій скрубъ“ и „скрубъ“ въ собственномъ смыслѣ слова: ихъ наружность совершенно различна, а условiя образованiя прямо таки противоположны.

Тропическій скрубъ, какъ сказано, представляетъ изъ себя настоящій первобытнyю чащу съ пальмами, древесными папоротниками, фикусами, вьющимися пальмами, лианами, орхидеями и прочими относящимися сюда растенiями. Онъ образуется тамъ, гдѣ подъ тропическимъ или субтропическимъ солнцемъ осадки выпадаютъ болѣе равномернымъ образомъ. Скрубъ же, въ истинномъ значенiи этого слова, образуется тамъ,

гдѣ господствуетъ настоящій австралійскій климатъ, т. е. обильные осадки чередуются съ засухами, продолжающимися иногда по нѣскольку лѣтъ. Условія его существованія скруба стоятъ въ тѣсной связи со свойствами почвы; послѣдняя, кратко говоря, должна быть болотиста. Если изслѣдовать скрубъ въ очень сухое время, то, конечно, мѣстами его почва окажется совершенно сухой, твердой и растрескавшейся. Иной видъ имѣетъ онъ въ болѣе влажный періодъ. Въ это время въ скрубъ можно встрѣтить мелкія болотца, прудки, лагуны и, вообще, почва его дѣлается мягче и болотистѣе, нежели почва открытаго лѣса. По всей вѣроятности, въ области скруба подъ поверхностнымъ слоемъ почвы находятся водонепроницаемые слои, препятствующіе быстрому просачиванію осадковъ въ глубину.

Такая значительная влажность почвы и дѣлаетъ возможнымъ существованіе болѣе густой растительности, нежели это имѣетъ мѣсто въ открытомъ лѣсѣ. При этомъ настоящій скрубъ состоитъ изъ совершенно особенныхъ видовъ растений, приспособившихся къ совершенно своеобразнымъ условіямъ. Это все такія растенія, которыя требуютъ значительной влажности почвы, но въ то же самое время могутъ безъ всякаго вреда для себя въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ купать свои листовыя кроны въ бѣдной и даже совершенно лишенной водяныхъ паровъ атмосферѣ. Этимъ условіямъ прежде всего удовлетворяютъ извѣстные виды акацій; первое мѣсто занимаетъ здѣсь акація бригало ¹⁾, представляющая главную составную часть скруба въ Квиндслэндѣ. Между ними попадаются отдѣльными экземплярами австралійское чайное дерево ²⁾ («tea-tree»), сизая казуарина ³⁾, называемая здѣсь скрубнымъ дубомъ (scrub-oak), различные виды австралійской мирты ⁴⁾ (Myrtle колонистовъ) и евгеній ⁵⁾, австралійское сандаловое де-

¹⁾ *Acacia harpophylla*. ²⁾ *Melaleuca callistemon*. ³⁾ *Casuarina glauca*.
⁴⁾ *Myrtus*. ⁵⁾ *Eugenia*.

рево ¹⁾ (Sandal wood) и, наконецъ, отдѣльными экземплярами причудливыя «деревья-бутылки» ²⁾ (Bottle-trees). Последнимъ дано такое названіе потому, что стволъ ихъ между основаніемъ и листовой кроной бутылкообразно вздутъ. Напротивъ того, совершенно отсутствуютъ пальмы и древовидные папоротники, лазающія пальмы и другія ліаны, орхидеи и прочія эпифиты. Чащи съ растительностью, которую мы привыкли обозначать именемъ тропической, развиваются въ Австраліи повсюду, гдѣ, наряду съ влажностью почвы, имѣется налицо соотвѣтствующая болѣе или менѣе постоянная влажность воздуха,—въ нѣкоторыхъ участкахъ берега, во влажныхъ ущельяхъ и на вершинахъ высокихъ горъ, хотя бы онѣ находились и далеко отъ берега въ глубинѣ страны.

Высота большинства деревьевъ, составляющихъ типичный скрубъ, не особенно значительна; только деревья-бутылки достигаютъ иногда громадныхъ размѣровъ. Собственно подлѣсокъ встрѣчается, по большей части, только по опушкѣ. Точно такъ же отсутствуютъ и мхи, въ качествѣ наружнаго покрова почвы; последняя, по большей части, обнажена и на ней лишь кое-гдѣ въ просвѣтахъ замѣчаются слѣды травяной растительности. На стволахъ деревьевъ почти совершенно нѣтъ мховъ и лишайевъ. Напротивъ того, для скруба характерны встрѣчающіяся здѣсь массами трупы деревьевъ, покрывающія во всѣхъ стадіяхъ разрушенія почву.

Сильные ливни размягчаютъ почву и способствуютъ паденію многочисленныхъ деревьевъ. Свойственная здѣшней атмосферѣ сухость препятствуетъ ихъ быстрому разрушенію и производитъ то, что мертвое дерево медленно высыхаетъ, не подвергаясь гніенію, не дѣлаясь жертвою растительныхъ паразитовъ и не

¹⁾ *Eremophila mitchelli*. ²⁾ *Sterculia quadrifida*.

поѣдаясь животными, какъ это имѣетъ мѣсто въ болѣе влажномъ климатѣ. Тоже относится, впрочемъ, и къ умершимъ деревьямъ открытаго лѣса.

Такимъ образомъ, бригаловый скрубъ («Brigalow scrub») съ мрачными, вѣчно-зелеными вершинами своихъ деревьевъ, съ обнаженными стволами, съ лишенной растительности почвой, усыянной трупами деревьевъ и обломками древесины, представляетъ очень унылый видъ. Какъ ни трудно проникнуть внутрь этого лѣса, по все же здѣсь это несравненно легче сдѣлать, нежели въ настоящемъ первобытномъ лѣсу. Конечно, очень рискованно, пожалуй, даже невозможно, проѣхать черезъ густой скрубъ верхомъ на лошади, такъ какъ опрокинутыя деревья являются часто опасными, а иногда даже непреодолимыми препятствіями для лошади.

Еще болѣе непроходимъ, нежели скрубъ бригало, скрубъ малли и мультга. Эти скрубы покрываютъ въ южныхъ частяхъ Австраліи необъятныя пространства земли, являясь предметомъ ужаса для всѣхъ путешественниковъ. Скрубъ малли (Mallee-scrub) состоитъ почти сплошь изъ одного карликоваго вида эвкалипта, извѣстнаго въ Австраліи подъ именемъ малли ¹⁾, стволы котораго растутъ столь же тѣсно другъ подлѣ друга, какъ въ заросляхъ камыша или бамбука. Только на высотѣ 3—4 метровъ надъ землею они начинаютъ вѣтвиться. Черезъ подобную чащу приходится прокладывать себѣ дорогу съ помощью топора, что при значительномъ протяженіи скруба часто представляетъ громадную работу. Мультга - скрубъ (Mulga-scrub) занимаетъ меньшія пространства, но зато отличается еще болѣею недоступностью. Главной составной частью его являются карликовыя акаціи. Эти акаціи вооружены ужасными иглами и мѣстами образуютъ сплошныя за-

¹⁾ Eucalyptus dumosa.

росли, прорваться черезъ которыя нѣтъ никакой возможности.

Австралійскія рѣки прорѣзали себѣ, благодаря пері-

Эвкалиптовый скрубъ.

одически повторяющимся наводненіямъ, глубокія русла, большую часть года совершенно лишенныя воды.

Дно такого безводнаго русла, благодаря богатому запасу влаги имѣютъ такую же растительность, какъ и въ скрубѣ. На блестящемъ бѣломъ пескѣ разрастаются густыя группы «чайнаго дерева» ¹⁾ и «рѣчного дуба» ²⁾. Во время большихъ разливовъ надъ поверхностью воды часто поднимаются только вершины этихъ деревьевъ; земля, въ которой они держатся своими корнями, и поверхность рѣки покрываются массой вырванныхъ съ корнями деревьевъ; быстро уносимыя внизъ, они разрушаютъ берега, способствуя этимъ углубленію и расширенію русла рѣки.

¹⁾ *Melaleuca linarnifolia* и *Callistemon lanceolata*. ²⁾ *Casuarina suberosa*

Оливантовый скрубъ

Въ то время, какъ «чайныя деревья» и «рѣчные дубы» пышно развиваются въ самомъ руслѣ рѣки, берега ея окаймлены голубымъ эвкалиптомъ ¹⁾, отличающимся отъ другихъ видовъ эвкалипта своей молочно-бѣлой корой. Голубые эвкалипты достигаютъ неимоверной высоты; карликовые экземпляры ихъ, которые такъ успѣшно разводятся теперь въ Италіи и у насъ на черноморскомъ побережьи Кавказа, даютъ совершенно ложное представленіе о высокомъ и гордомъ обликѣ своихъ австралійскихъ братьевъ. При благопріятныхъ условіяхъ голубой эвкалиптъ можетъ достигать высоты 120 метровъ; не рѣдкость встрѣтить дерево 4 и 5 метровъ въ обхватѣ; еще болѣе громадныхъ размѣровъ достигаютъ

Колочій скрубъ.

колоссальные эвкалипты Западной Австраліи, а одинъ экземпляръ миндалевиднаго эвкалипта въ горахъ Дан-денонъ въ окрестностяхъ Мельбурна имѣлъ въ высоту

¹⁾ *Eucalyptus collossea*.

Колючий скрубъ.

152 метра, равняясь, такимъ образомъ, высотѣ Кельнскаго собора и значительно превосходя Страсбургскій соборъ, Соборъ Св. Петра въ Римѣ и Хеопсову пирамиду, а также знаменитыя мамонтовыя деревья Калифорніи, самые крупныя экземпляры которыхъ не превышаютъ 120 метровъ.

Когда, проѣзжая верхомъ черезъ кустарникъ, увидишь гдѣ-нибудь вдали свѣтлую кору эвкалипта, то можно быть вполне увѣреннымъ, что приближаешься къ руслу рѣки. Голубой эвкалиптъ любитъ также селиться вблизи болотъ, лощинъ и озеръ, тамъ, гдѣ нѣтъ зарослей скруба. Повидимому, этотъ видъ эвкалипта любитъ болѣе влажную почву, нежели его сородичи, такъ какъ лишь въ видѣ исключенія можно встрѣтить его вдали отъ воды.

Нѣкоторые виды акаціи также достигаютъ значительной высоты; многочисленны также папоротники, особенно въ тѣнистыхъ горныхъ ущельяхъ; одинъ видъ ихъ имѣетъ вайи длиною около сажени.

Хвойныя лѣса, покрывающіе прибрежныя мѣстности Австраліи, заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ строевыхъ деревьевъ; здѣсь растутъ, между прочимъ, великолѣпный красный кедръ, достигающій 20 сажень высоты и со стволомъ 4 сажени въ обхватѣ. Обширныя лѣса безлистной казуарины встрѣчаются по преимуществу въ западной и южной частяхъ материка и даже на безводныхъ пустынныхъ пространствахъ внутренней Австраліи.

За исключеніемъ покрытыхъ богатой растительностью горныхъ ущелій и влажныхъ долинъ тихо-океанскаго побережья, австралійскіе лѣса имѣютъ малопривлекательный видъ; преобладаніе въ нихъ эвкалипта съ его сѣровато-голубой поникшей листвою придаетъ имъ унылый характеръ.

Однако растительность Австраліи далеко не бѣдна и не однообразна. Въ Австраліи насчитывается не ме-

нѣе 10.000 отдѣльных видовъ различныхъ цвѣтковыхъ растений, стало быть, болѣе, нежели ихъ найдено во всей Европѣ, притомъ многіе изъ нихъ поражаютъ своею красотою и оригинальностью. „Пламенные деревья“ Новаго Южнаго Уэльса, усыпанные пышными кистями красныхъ цвѣтовъ, дѣлаютъ горы этой колоніи видными уже за нѣсколько верстъ съ моря, а „огненные деревья“ Западной Австраліи съ ихъ ярко-оранжевыми соцвѣтіями, дѣйствительно, кажутся издали, какъ бы объатыми пламенемъ. Гигантская горная лилія, достигающая четырехсаженной высоты, увѣнчивается наверху кистями крупныхъ цвѣтовъ, въ нѣсколько футовъ въ поперечникѣ, другія деревья во время цвѣтенія также покрываются массой пунцовыхъ цвѣтовъ, а мохнатые стволы „травяныхъ деревьевъ“ зимою украшаются бѣлыми звѣздчатыми цвѣтами. Вообще, можно сказать, что вѣрядъ ли въ какой-либо другой части свѣта есть столько ароматныхъ растений и душистыхъ цвѣтовъ необыкновенно изящныхъ очертаній и яркихъ окрасокъ, какъ въ Австраліи.

Многочисленныя туземныя травы даютъ прекрасный питательный кормъ скоту и легко выносятъ крайности зноя и холода климата Австраліи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна „кенгуровая трава“, легко выносящая самыя продолжительныя засухи. Солянковыя растенія, въ изобиліи покрывающія сухіе солонцы внутреннихъ частей австралійскаго материка, превращаютъ эти безплодныя мѣстности въ прекрасныя пастбища для овецъ.

Но самое интересное въ Австраліи — это ея животныя. Можно прямо сказать, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ столь странныхъ и своеобразныхъ животныхъ, которыми такъ богата Австралія. Напрасно стали бы мы искать здѣсь звѣрей, свойственныхъ другимъ частямъ свѣта. Нѣтъ здѣсь ни громадныхъ кошачьихъ и собакообразныхъ хищниковъ, ни антилопъ, ни слоновъ,

ни кабановъ, ни обезьянъ.. зато мы найдемъ въ Австраліи такихъ животныхъ, которыя не встрѣчаются въ остальныхъ частяхъ свѣта. Правда, ученые показали намъ, что странные звѣри, свойственные въ настоящее время матеріку Австраліи, жили когда-то и въ Старомъ Свѣтѣ, но въ очень далекія незапамятныя времена, когда на землѣ еще и не было человѣка. Ученые догадались объ этомъ по тому, что нашли въ глубокихъ слояхъ земли различные кости и зубы животныхъ, похожіе на кости и зубы теперешнихъ животныхъ Австраліи. Всѣ эти животныя давно уже исчезли съ лица земли Старого Свѣта, уцѣлѣвъ лишь въ далекой уединенной Австраліи. Прежде всего, здѣсь слѣдуетъ указать на многочисленныхъ сумчатыхъ животныхъ, на еще болѣе странныхъ птице-звѣрей, которые, напоминая по внѣшнему облику звѣрей, въ то же самое время несутъ, подобно птицамъ, яйца; на странную рыбу баррамунду, дышащую не только жабрами, но и легкими, которая представляетъ такимъ образомъ какъ бы соединительное звено между рыбами и земноводными, и въ давно минувшую эпоху была распространена по всему земному шару. Вотъ почему Австралію съ полнымъ правомъ можно назвать „страною живыхъ ископаемыхъ“, являющуюся для каждаго натуралиста-зоолога одной изъ интереснѣйшихъ странъ въ мірѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находится натуралистъ, имѣющій въ рукахъ лишь нѣсколько костей, чешую или кожный панцирь, и желающій на основаніи этихъ скудныхъ данныхъ возсоздать въ своемъ воображеніи внѣшній обликъ того животнаго, которому нѣкогда принадлежали эти жалкіе остатки. Особенно тяжела бываетъ задача для натуралиста въ томъ случаѣ, если онъ видитъ, что животныя, которымъ принадлежатъ найденныя въ землѣ кости, мало походили на нынѣшнія и должны были

обладать совершенно инымъ строеніемъ тѣла. И вдругъ теряющійся въ мучительныхъ догадкахъ натуралистъ узнаетъ къ великому своему утѣшенію, что странные звѣри, остатки которыхъ онъ видитъ передъ собою, еще уцѣлѣли въ одномъ захолустномъ углу земного шара, въ далекой Австраліи. Само собой понятно, сколько интереса представляетъ ознакомленіе съ этими животными. Изучая ихъ, натуралистъ какъ бы возсоздаетъ передъ собою картину страшно далекой, навсегда минувшей эпохи въ жизни земного шара, намѣчаетъ тѣ пути, посредствомъ которыхъ изъ этихъ сравнительно низкихъ формъ выработались тѣ совершенные, стройные и красивые виды животныхъ, которые живутъ въ настоящее время въ Старомъ Свѣтѣ.

II.

Мы начнемъ наше знакомство съ животными Австраліи съ сумчатыхъ, какъ наиболѣе характерныхъ и многочисленныхъ. Дѣйствительно, однихъ только крупныхъ видовъ ихъ насчитывается здѣсь до пятидесяти. Австралійскіе колонисты называютъ всѣхъ крупныхъ сумчатыхъ общимъ именемъ кенгуру, не обращая вниманія на ихъ различія; лишь одной крупной тяжеловѣсной съ черною шерстью формѣ даютъ особенное названіе валлару. Свое названіе сумчатая получила отъ того, что на брюхѣ у нихъ имѣется особая складка кожи, въ которой живутъ безпомощные новорожденные дѣтеныши, питаея молокомъ матери. Всѣ мелкія сумчатая извѣстны въ Австраліи подѣ общимъ именемъ валлаби; для отличія различныхъ формъ другъ отъ друга прибавляютъ къ этому слову какое-нибудь прилагательное, указывающее на окраску шерсти или мѣстопробываніе даннаго вида. Такъ, валлаби, живущее въ горахъ, извѣстно подѣ именемъ горнаго валлаби и обла-

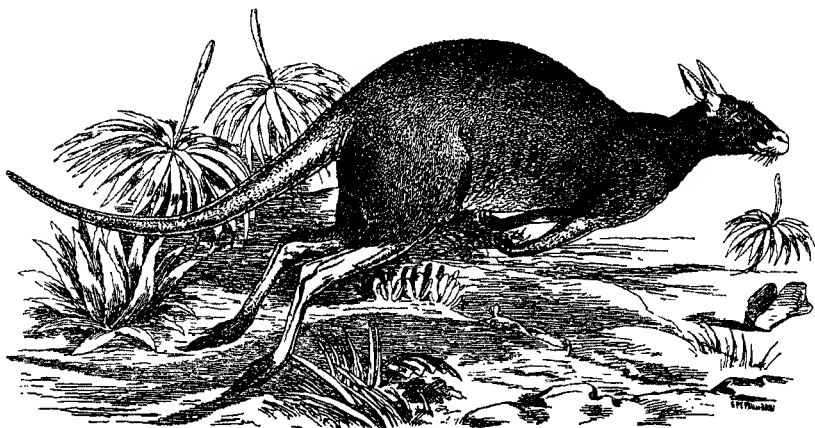
даетъ дѣйствительно замѣчательною способностью лазить по скаламъ. Будучи преслѣдуемы собаками, эти животныя иногда съ большою ловкостью вскарабкиваются на наклонившіяся деревья, и незнающій можетъ принять ихъ за кенгуру-древোлаза, съ которыми однако же они имѣютъ весьма мало общаго.

Другія виды валлаби живутъ въ скрубѣ, но большинство крупныхъ кенгуру предпочитаютъ свѣтлыя рѣдкіе лѣса Австраліи, гдѣ имъ представляется такой прекрасный случай дѣлать ихъ гигантскіе прыжки, а богатая трава даетъ обильный кормъ.

Прыжки крупныхъ видовъ кенгуру, когда оно чувствуетъ себя въ безопасности, достигаютъ въ длину нѣсколькихъ аршинъ. Но если животное преслѣдуютъ, то оно дѣлаетъ прыжки въ пять и болѣе сажень. Кенгуру опирается при этомъ исключительно на свои длинныя заднія ноги, совсѣмъ не помогая себѣ хвостомъ, какъ думали ранѣе. Въ этомъ легко убѣдиться, разсматривая слѣды животнаго на землѣ. При каждомъ прыжкѣ хвостъ приподнимается, совершенно не касаясь почвы. Онъ служитъ главнымъ образомъ въ качествѣ руля и, только сидя на мѣстѣ, животное слегка опирается на него.

Въ глухихъ и малонаселенныхъ мѣстностяхъ Австраліи водится еще значительное количество кенгуру. Въ болѣе населенной южной части материка число крупныхъ видовъ кенгуру значительно уменьшилось, такъ какъ животное подвергается здѣсь ожесточенному преслѣдованію. Скваттеры не безъ основанія думаютъ, что травоядныя кенгуру въ значительной мѣрѣ уменьшаютъ количество корма на лугахъ, гдѣ пасется ихъ домашній скотъ. Поэтому за каждое убитое кенгуру здѣсь даже была назначена премія, и количество этихъ интересныхъ незлобивыхъ животныхъ стало быстро уменьшаться. Цѣлыми сотнями убивали ихъ на большихъ облавахъ не извлекая изъ труповъ никакой пользы.

Лишь въ самое послѣднее время узнали, что шкура кенгуру даетъ весьма тонкую и красивую кожу и обладаетъ поэтому большою цѣнностью. Въ настоящее время въ Австраліи можно встрѣтить значительное число людей, добывающихъ себѣ средства къ жизни охотой за кенгуру. Они бродятъ по малонаселеннымъ мѣстностямъ, гдѣ еще уцѣлѣли большія стада этихъ животныхъ, и, подкравшись къ нимъ, убиваютъ крупныхъ взрослыхъ самцовъ мѣткимъ выстрѣломъ. За

К е н г у р ы.

хорошую большую шкуру кенгуру платятъ до десяти рублей.

Больше всего любятъ австралійскіе скваттеры охотиться за кенгуру верхомъ. Конечно, въ гористыхъ мѣстностяхъ такая охота невозможна, такъ какъ кенгуру свободно перепрыгиваетъ черезъ пропасти и ущелья, предъ которыми останавливаются и собака, и лошадь. Но на ровной мѣстности добрая лошадь вмѣстѣ съ хорошою собакой скоро настигаютъ кенгуру, несмотря на ея гигантскіе прыжки, потому что четыре ноги, поддерживающія тѣло лошади, устаютъ не такъ быстро,

Кенгуру.

какъ двѣ ноги кенгуру; въ концѣ-концовъ, бѣдному прыгуну не остается ничего болѣе, какъ прислониться спиной къ дереву и защищаться отъ нападающихъ сильными ударами переднихъ ногъ, четвертый палецъ которыхъ снабженъ длиннымъ острымъ когтемъ. Собаки, неосторожно приблизившіяся къ отчаявшемуся въ своемъ спасеніи животному, часто дѣлаются его жертвой: кенгуру схватываетъ ихъ передними лапами и задираетъ до смерти. Многіе кенгуру въ отчаяніи бросаются въ воду и, высоко поднявшись въ ней, топятъ всякую собаку, которая рѣшается подплыть къ нимъ.

Для охоты за кенгуру употребляютъ особую породу собакъ, происшедшую отъ помѣси дикой австралійской собаки съ догомъ. Эти кенгуровыя собаки соединяютъ въ себѣ быстроту бѣга съ силою и ловкостью.

Въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ Австраліи крупныя кенгуру до сихъ поръ еще бродятъ цѣлыми стадами въ сто и болѣе головъ. Однако, замѣтивъ, что за ними охотятся, кенгуру дѣлаются осторожными и не подпускаютъ къ себѣ близко человѣка. Подобно нашимъ оленямъ и сернамъ, кенгуру прячутся въ укромныхъ мѣстахъ и лишь съ наступленіемъ вечера выходятъ на кормежку. По вечерамъ въ Австраліи часто можно слышать тяжелые мѣрные удары въ землю: это кенгуру, перепрыгивая съ мѣста на мѣсто, стучитъ своими задними ногами о землю. Этотъ топотъ столь же характеренъ для австралійскаго лѣса, какъ и неистовый хохотъ Ивана-хохотуна и чарующіе звуки птицы-флейтиста.

Если за кенгуру охотятся ради мѣха, то стараются убивать самцовъ, и заряжаютъ ружье пулей. Мясо кенгуру хотя и употребляется въ пищу, но австралійскіе скваттеры цѣнятъ его невысоко и считаютъ за наказаніе, ниспосланное судьбой, если долго приходится питаться имъ.

Самка кенгуру во время сильнаго преслѣдованія выбрасываетъ изъ сумки своихъ дѣтенышей, жертвуя ими ради собственной безопасности.

Другимъ крупнымъ сумчатымъ животнымъ Австраліи является сумчатый медвѣдь. Это тяжелое, неуклюжее животное, величиной съ енота, нѣсколько напоминаетъ его по вѣшнему виду. Особенно бросается въ

Сумчатый медвѣдь.

глаза его короткій хвостъ, рѣзко отличающій его отъ большинства другихъ сумчатыхъ. Вообще, животныя, проводящія жизнь на деревьяхъ, какъ бѣлка, цѣпко-хвостыя обезьяны, обыкновенно снабжены длиннымъ хвостомъ. Однако стоитъ только понаблюдать внимательно медленные и обдуманнныя движенія сумчатаго медвѣдя, прослѣдить за тѣмъ, какъ онъ осторожно перебирается съ вѣтки на вѣтку, цѣпляясь своими

Сумчатый медвѣдь.

острыми сильными когтями и никогда не дѣлая, подобно бѣлкѣ, смѣлыхъ прыжковъ съ вѣтки на вѣтку, чтобы понять, что хвостъ для подобнаго животнаго являлся бы совершенно излишнимъ бременемъ. Въ этомъ отношеніи сумчатый медвѣдь напоминаетъ американскаго лѣнивца, который также проводитъ жизнь на деревьяхъ; его иногда даже называютъ австралійскимъ лѣнивцемъ, но это, конечно, совершенно неправильно.

Другое сумчатое животное, проводящее жизнь на деревьяхъ, это австралійскій опоссумъ (настоящій опоссумъ живетъ въ Америкѣ и представляетъ изъ себя также сумчатое животное). Днемъ эти животныя спятъ, спрятавшись въ дупла и въ развилкахъ вѣтвей, и только послѣ захода солнца просыпаются и начинаютъ лазить подобно бѣлкамъ, но только гораздо медленнѣе ихъ, по вѣтвямъ деревьевъ. Питаются они, кромѣ случайно подвернувшихся насѣкомыхъ, яицъ и птенцовъ, преимущественно листьями эвкалиптовъ, что придаетъ мясу опоссума очень непріятный вкусъ; поэтому лишь въ случаѣ крайней нужды употребляютъ его въ пищу. Иногда опоссумы забираются въ виноградники, съ прожорливостью накидываясь на незрѣлыя еще мелкія ягоды. Любопытно, что когда виноградъ поспѣетъ, животныя совершенно не трогаютъ крупныхъ зрѣлыхъ ягодъ. Въ одну лунную ночь нѣмецкому натуралисту Земону удалось убить въ саду двѣнадцать опоссумовъ.

Мѣхъ опоссумовъ очень красивъ, густъ, притомъ весьма легокъ; Земонъ сдѣлалъ себѣ изъ 80 шкурокъ убитыхъ имъ опоссумовъ прекрасную теплую шубу.

Охота за опоссумомъ весьма легка. Когда подходишь къ дереву, на которомъ опоссумъ ищетъ себѣ добычи, то животное не стремится убѣжать, а, наподобіе мыши, плотно прижимается къ вѣтви. Требуется опытный глазъ охотника, чтобы замѣтить въ такомъ положеніи живот-

ное. Впрочемъ, для подобныхъ поисковъ имѣется достаточно времени: можно обойти нѣсколько разъ вокругъ дерева, подойти къ нему ближе, снова стать на прежнее мѣсто, — животное все время будетъ неподвижно сидѣть на мѣстѣ.

Опоссумъ.

Близкимъ родичемъ австралійскаго опоссума являются сумчатая летяги, „уаа“, какъ называютъ ихъ туземцы. Въ Австраліи ихъ существуетъ нѣсколько видовъ. Это небольшія животныя, меньше нашей бѣлки, съ необыкновенною ловкостью влѣзающія по стволу эвкалиптовыхъ деревьевъ вплоть до самой вершины. Здѣсь онѣ распускаютъ свою летательную перепонку и безшумно спускаются косо внизъ къ другому удаленному дереву, гдѣ снова сейчасъ же вскарабкиваются на вершину. Свои полеты онѣ производятъ съ необык-

Опоссумъ

новенною легкостью на разстояніи въ 20—25 сажень, никогда не промахиваются и даже умѣютъ, будучи на серединѣ пути, измѣнить свою первоначальную цѣль и повернуть къ другому дереву. За этими ловкими животными гораздо труднѣе охотиться, нежели за опоссумами. Туземцы ловятъ ихъ живьемъ, выслѣживая деревья, на которыхъ они живутъ, и доставая животныхъ руками изъ дупла, гдѣ тѣ проводятъ

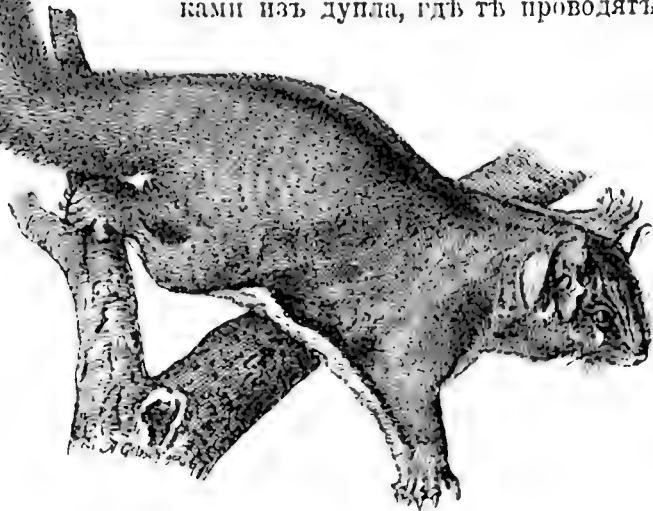

Сумчатая бѣлка — летяга.

въ покоѣ весь день. Плѣнные летяги отличались необыкновенною дикостью, кусались, — словомъ, были совершенно невыносимы.

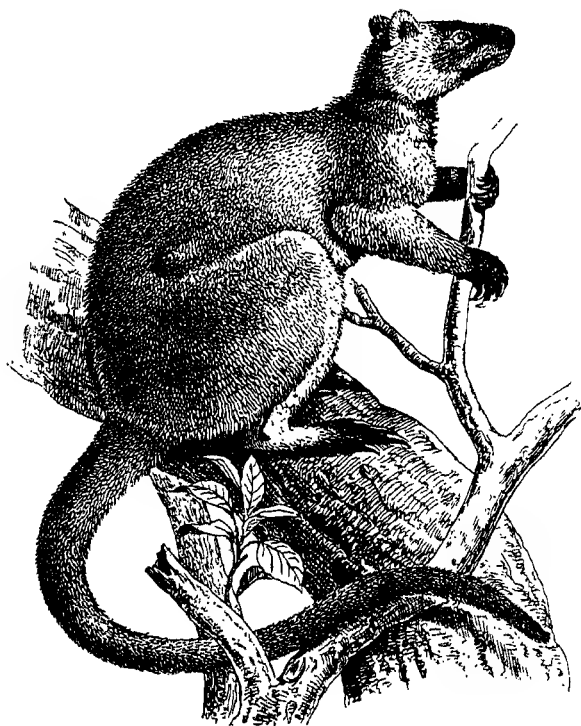
Есть еще одно крупное сумчатое, живущее на деревьяхъ, открытое всего пятнадцать лѣтъ тому назадъ однимъ норвежскимъ путешественникомъ, Лумбольцемъ, въ сѣверо-восточной Австраліи. Это — кенгуру-древолазъ. До того времени полагали, что древолазы живутъ только въ Новой Гвинее, громадномъ островѣ,

серединѣ пути, помѣнитъ свою первоначальную цѣль и повернуть къ другому дереву. За этими ловкими животными гораздо труднѣе охотиться, нежели за опоссумами. Туземцы ловятъ ихъ живьемъ, вслѣживая деревья, на которыхъ они живутъ, и доставая животныхъ руками изъ дупла, гдѣ тѣ проводятъ

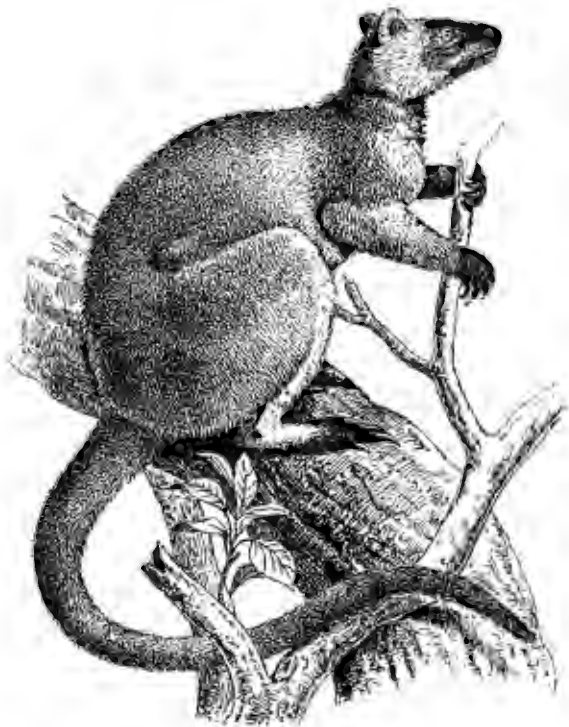
Сумчатая бѣлка — летяга.

лежащемъ къ сѣверу отъ материка Австраліи, гдѣ насчитывали три вида этого животнаго. Лумгольцъ нашелъ новый—четвертый видъ, который въ честь этого путешественника такъ и названъ былъ древолазомъ Лумгольца. Любопытно, что это животное, все устройство тѣла котораго принаровлено къ прыганью по от-

Кенгуру-древалазъ.

крытой ровной мѣстности, сравнительно легко привыкло къ жизни на деревьяхъ, нисколько не измѣнивъ при этомъ общаго вида наземнаго кенгуру. Впрочемъ, это животное передвигается по деревьямъ совершенно иначе, нежели другіе звѣри, ведущіе подобный же образъ жизни. На низкія деревья древолазъ вспрыги-

Кенгуру-древолазъ

ваетъ однимъ прыжкомъ и затѣмъ карабкается дальше, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку. На высокія деревья животное взбирается очень легко, цѣпляясь передними ногами, вооруженными сильными острыми когтями и упираясь въ то же самое время задними ногами. Добравшись до вершины дерева, оно передвигается здѣсь прыжками, производя въ высшей степени

Сумчатая крыса.

своеобразное впечатлѣніе на стоящаго внизу наблюдателя.

Всматриваясь въ вершину эвкалиптоваго дерева, можно иногда замѣтить среди его вѣтвей еще и другое, меньшей величины животное, такъ называемую австралійскую лѣсную крысу. Своими быстрыми движеніями и длиннымъ пушистымъ хвостомъ оно напоминаетъ бѣлку. Попрыгавъ нѣсколько времени на одномъ деревѣ, животное спускается съ него и перебѣ-

Сумчатая крыса.

гаеть по землѣ къ слѣдующему, отстоящему отъ перваго шаговъ на сто. Замѣтивъ это, Земонъ преградилъ ему дорогу и животное принуждено было вернуться къ первому дереву. Листва на этомъ деревѣ была очень рѣдкая, нигдѣ не было замѣтно въ стволѣ углубленія или хода въ дупло, и маленькій звѣрекъ

Кенгуровая крыса.

тищетно метался взадъ и впередъ по вѣтвямъ, ища себѣ убѣжища и не рѣшаясь въ то же самое время спуститься во второй разъ на землю.

По формѣ головы лѣсная крыса нѣсколько напоминаетъ нашу землеройку. Нерѣдко она поселяется въ жилищѣ человѣка, являясь здѣсь непрощеннымъ гостемъ, вмѣстѣ со своимъ родичемъ—лѣсною или сум-

Кенгуровая крыса.

чатою мышью. Однако, въ то время какъ сумчатая мышь врядъ ли причиняетъ какой-либо вредъ человеку и, самое большее, беспокоитъ его своимъ шорохомъ, болѣе крупная и сильная лѣсная крыса считается опаснымъ врагомъ домашней птицы и, вообще пользуется самой дурной славой за свойственныя ей хищныя наклонности.

Въ высокой травѣ, покрывающей почву рѣдкаго, лишеннаго тѣни австралійскаго лѣса, любитъ устраивать себѣ гнѣзда кенгуровая крыса, „барунга“, какъ

Сумчатый барсукъ.

называютъ ее туземцы. Въ своемъ полушаровидномъ мягкомъ гнѣздѣ барунга проводитъ во снѣ самую жаркую часть дня, заботливо прикрывъ себя травой. Лишь при наступленіи ночи барунга покидаетъ свое убѣжище и отправляется въ поиски за пищей. Эта пища состоитъ изъ травы, главнымъ образомъ изъ клубней и корней, которые барунга выкапываетъ при помощи острыхъ когтей на переднихъ лапахъ. Барунга по внѣшнему виду напоминаетъ кенгуру въ уменьшенномъ видѣ и, подобно послѣднему, передвигается съ мѣста на мѣсто широкими проворными прыжками. При этомъ она съ силою ударяетъ своими длинными ногами о землю

Сумчатый барсукъ.

и эти удары гулко разносятся въ тишинѣ австралійской ночи, хотя, конечно, они не такъ громки, какъ у валлаби или тяжелаго кенгуру. Подвергаясь преслѣдованію, кенгуровая крыса старается отыскать себѣ убѣжище въ дуплѣ деревьевъ.

Къ такой же тактикѣ прибѣгаетъ и сумчатый барсукъ въ томъ случаѣ, когда его преслѣдуютъ. Колонисты называютъ это своеобразное остроносое животное, занимающее среднее мѣсто между травоядными и плотоядными сумчатыми, бэндикутомъ. Бэндикутъ, подобно кенгуровой крысѣ, днемъ прячется въ травѣ и только ночью выходитъ на добычу, обшаривая поверхностные слои почвы въ поискахъ за насѣкомыми, червями, клубнями и корнями. Бэндикуты любятъ забираться по ночамъ въ жилище человѣка, рассчитывая найти здѣсь остатки мяса и хлѣба. Иногда они дѣлаются настолько довѣрчивы, что по вечерамъ подходятъ совершенно близко къ человѣку, сидящему на крыльцѣ своего дома.

Когда собакамъ удастся выгнать бэндикута изъ гнѣзда, онъ не любитъ продолжительнаго бѣга и старается воспользоваться первымъ попавшимся дупломъ, чтобы въ него укрыться. Бэндикутъ обладаетъ способностью пролѣзать въ самыя узкія дупла, откуда его не добудетъ никакая собака. Повидимому, онъ уже заранѣе знаетъ всѣ убѣжища въ окрестностяхъ своего жилища.

Иногда въ подобныя же дупла прячутся сумчатые хорьки. Это маленькіе, но очень проворные и кровожадные хищники, которые охотятся за мелкими звѣрями и птицами, а въ случаѣ голода не брезгаютъ и насѣкомыми. Колонисты ненавидятъ этихъ животныхъ, такъ какъ они, подобно нашему хорьку, любятъ забираться по ночамъ въ курятники.

Менѣе кровожадный нравъ имѣютъ маленькія сумчатые землеройки; онѣ дѣлаютъ себѣ гнѣзда въ истлѣв-

шей листьѣ или гниломъ деревѣ и питаются преимущественно насѣкомыми.

До послѣдняго времени среди сумчатыхъ животныхъ Австраліи не было извѣстно ни одного, которое бы вело подземный образъ жизни, на подобіе нашего крота. Полагали, что подобныхъ животныхъ и не существуетъ на материкѣ Австраліи. Однако, въ 1888 году одному австралійскому колонисту посчастливилось

Сумчатый хорекъ.

найти настоящаго сумчатаго крота; онъ назвалъ его „слѣпымъ спинорыломъ“ ¹⁾.

Первый экземпляръ этого животнаго былъ найденъ въ сѣверной части Южной Австраліи управляющимъ одной фермы Вилліамомъ Кульдхердомъ. Однажды вечеромъ онъ замѣтилъ на пескѣ странные слѣды какого-то маленькаго животнаго; эти слѣды заинтересовали его, и онъ по нимъ скоро нашелъ и самое животное, притаившееся подъ кустомъ дикобразника ²⁾.

¹⁾ *Notoryctes typhlops*. ²⁾ *Iriodea irritans*.

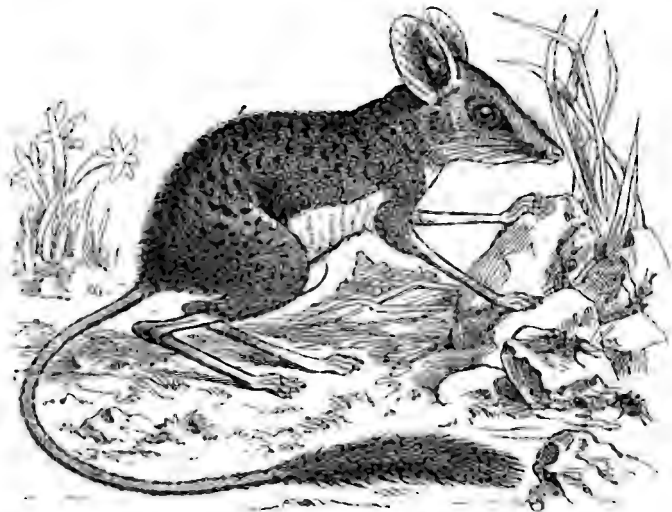
Сумчатый хорекъ

Кульдхэрду бросилось въ глаза, что въ теченіе его многолѣтнихъ странствованій по Австраліи ему ни разу не встрѣтилось подобнаго животнаго. Уложивъ тщательно найденнаго имъ звѣрька въ коробку изъ-подъ револьверныхъ патроновъ, обернувъ его предварительно въ тряпки, смоченныя керосиномъ, онъ отправилъ его въ зоологическій музей Аделаиды, главнаго города Южной Австраліи.

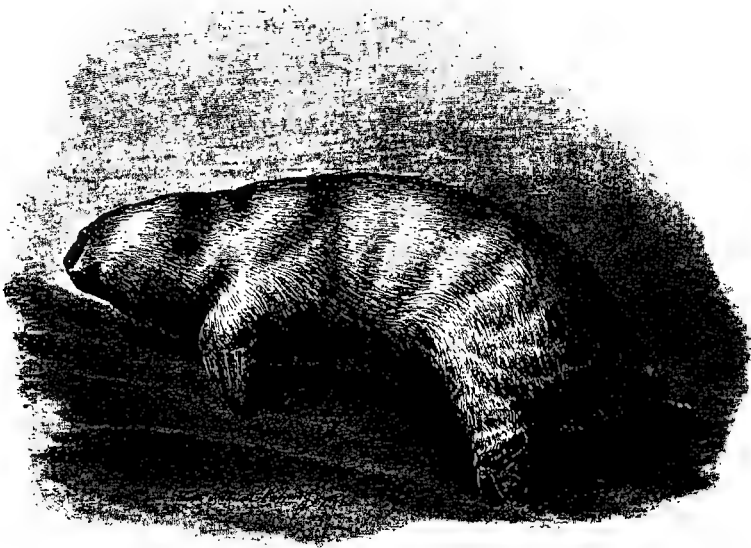
Сумчатая землеройка.

Мѣсто, гдѣ было найдено интересное животное, находится на югѣ сѣверной территоріи Южной Австраліи и отстоитъ отъ Аделаиды на тысячу англійскихъ миль. Унылый и однообразный видъ имѣетъ эта мѣстность. Большая часть ея представляетъ изъ себя равнины и холмы краснаго песка, мѣстами покрытые густыми зарослями дикобразника и колючихъ акацій. Здѣсь нерѣдко бываютъ проливные дожди, но вода быстро скатывается съ твердой песчаной почвы. Таковъ унылый видъ родины сумчатаго крота. Впрочемъ, и здѣсь сумчатый кротъ встрѣчается далеко не часто. Это видно

Сумчатая землеройка.

ужь изъ того, что животное знакомо лишь немногимъ европейскимъ колонистамъ, такъ же какъ и туземцамъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря присущей туземцамъ необычайной способности распознавать слѣды, для зоологическаго музея добыто было скоро еще нѣсколько экземпляровъ сумчатого крота. Разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ охоты можно лишь въ томъ случаѣ, если производить ее сейчасъ же послѣ сильнаго дождя, послѣ котораго рыхлый песокъ слегається въ одну плотную

Сумчатый кротъ.

массу, на которой легко запечатлѣваются слѣды маленькаго животного.

Такъ какъ кротъ выходить на поверхность земли только въ теплую погоду, то для охоты за нимъ остается лишь короткій промежутокъ лѣтнихъ дождей. Любопытно, что сумчатый кротъ выходитъ на поверхность земли только днемъ, когда воздухъ теплѣе, чѣмъ ночью. Свѣтъ, самъ по себѣ, не имѣетъ для животного никакого

Сумчатый кротъ.

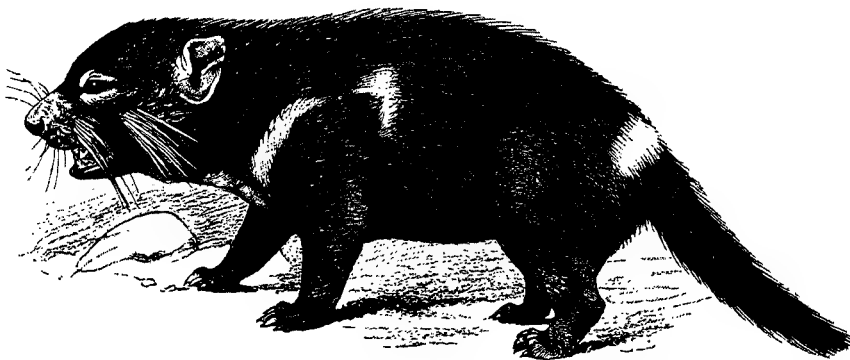
значенія, такъ какъ оно совершенно слѣпо. Сама судьба опредѣлила кроту всю жизнь проводить подъ землею среди вѣчной темноты. Когда животное медленно передвигается по песку, оно змѣеобразно изгибаетъ свое туловище, плотно прижимая его къ землѣ и опираясь въ то же самое время на переднія конечности, подогнутыя подъ туловище. Слѣдъ, оставляемый животнымъ, представляетъ изъ себя три причудливо изогнутыхъ линіи. Двѣ наружныхъ прерывающихся линіи представляютъ изъ себя слѣды ногъ, между тѣмъ какъ непрерывная средняя линія происходитъ отъ прикосновенія къ землѣ твердаго конца хвоста.

Сумчатый кротъ дѣлаетъ свои норы въ косомъ направленіи, обыкновенно не глубже 2—3 метровъ отъ поверхности земли, такъ что часто можно по движенію верхнихъ слоевъ почвы слѣдить за подземною дѣятельностью маленькаго звѣрька, издающаго при этомъ характерный шорохъ. Когда животное прокладываетъ себѣ дорогу черезъ песокъ, оно работаетъ по преимуществу своимъ коническимъ рыломъ, прикрытымъ роговымъ щиткомъ, и сильными лопатообразными конечностями переднихъ ногъ. Въ то же самое время заднія ноги продвигаютъ назадъ рыхлую землю, засыпая тоннель, сдѣланный животнымъ. По истеченіи нѣкотораго времени кротъ выходитъ на поверхность земли и, пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, снова углубляется въ землю. Такимъ образомъ австралійскій кротъ никогда не дѣлаетъ постоянныхъ ходовъ, подобно нашему кроту.

Быстрота, съ которой кротъ исчезаетъ подъ поверхностью земли, поистинѣ удивительна. Одному австралійскому колонисту удалось какъ-то поймать живого сумчатого крота. Желая показать своимъ домашнимъ, какъ ловко животное роетъ землю, онъ снялъ лопатой верхній слой рыхлаго песка съ дорожки и затѣмъ посадилъ туда животное. Въ минуту оно исчезло съ поверхности земли. Тщетно пытался колонистъ поймать

рукою уходящее животное; тогда онъ поспѣшилъ взять лопату и сталъ разгребать вслѣдъ за кротомъ землю, но уже не могъ догнать его. Другой взялъ также лопату и сталъ помогать ему вмѣстѣ съ женщиной-туземкой, отгребавшей руками рыхлую землю, но, несмотря на всѣ усилія, всѣмъ троимъ не удалось снова поймать маленькое животное.

Пища австралийскаго крота, какъ и его европейскаго собрата, состоитъ, повидимому, изъ различныхъ насекомыхъ. Животное очень плохо переноситъ неволю, но тѣмъ не менѣе его легко можно брать въ руки, не

Тасманійскій дьяволъ.

опасаясь быть укушеннымъ. До сихъ поръ никому еще не удалось найти дѣтенышей сумчатого крота и выяснить, какъ онъ за ними ухаживаетъ. Австралійскіе негры называютъ сумчатого крота оорквата и питаютъ передъ нимъ суевѣрный страхъ. Образъ жизни животнаго имъ почти совершенно неизвѣстенъ.

Несравненно болѣе крупныя хищныя сумчатые звѣри живутъ въ Тасманіи, большомъ островѣ, лежащемъ недалеко отъ юго-восточнаго угла Австраліи: выдающийся по своей свирѣпости тасманійскій „дьяволъ“ и кровожадный сумчатый волкъ, который столь же мало щадитъ стада овецъ, принадлежащихъ колони-

Тасманіевскій дьяволъ.

Динго.

стамъ, какъ и проворныхъ кенгуру, вооруженную иглами ехидну и ловко ныряющаго утконоса. Въ прежнее время похожіе на нихъ звѣри жили и на материкѣ Австраліи, но уже очень давно вымерли, гораздо ранѣе появленія здѣсь бѣлыхъ людей. Исчезновеніе ихъ, вѣроятно, произошло вслѣдствіе того, что въ Австраліи появилась кровожадная дикая собака „динго“. Будучи привезена сюда черными туземцами Австраліи, при ихъ первомъ вступленіи на материкъ, динго быстро одичалъ и, распространившись по всей Австраліи, сталъ отбивать добычу у здѣшнихъ хищниковъ, которые вслѣдствіе этого мало-по-малу вымерли. Въ Тасманію динго не былъ ввезенъ, и потому крупные сумчатые хищники уцѣлѣли здѣсь до нашего времени.

Динго совсѣмъ не „дикая собака“, какъ его иногда называютъ, а одичавшая домашняя собака, стоящая особнякомъ отъ остальныхъ звѣрей Австраліи.

Вообще говоря, въ Австраліи нѣтъ ни одного высшаго млекопитающаго животнаго, которое бы являлось кореннымъ обитателемъ этой части свѣта. Лишь при посредствѣ человѣка здѣсь въ послѣднее время размножились нѣкоторые виды грызуновъ: кролики, крысы и мыши, а съ Малайскаго Архипелага проникли въ Австралію и даже въ отдаленную Новую Зеландію летучія мыши, что объясняется ихъ способомъ передвиженія, не знающимъ водяныхъ преградъ.

Самая крупная летучая мышь Австраліи,—это такъ называемая „летучая собака“. Названіе нисколько не соотвѣтствуетъ ея образу жизни, такъ какъ летучая собака совсѣмъ не хищное животное, а питается исключительно растительными веществами, главнымъ образомъ, плодами. Впрочемъ, онѣ не брезгаютъ и мясомъ, рыбою, насѣкомыми и птичьими яйцами, если только имъ удастся раздобыть ихъ. Вечеромъ эти громадныя летучія мыши летаютъ по одиночкѣ, а иногда вереницей одна за другой, вылетая изъ одной опредѣленной

мѣстности, гдѣ у нихъ находится „лагерь“, т.-е. мѣсто, гдѣ летучія мыши собираются большой компаніей и проводятъ весь день, дѣлая отсюда свои ночные вылеты для поисковъ за пищей. „Лагерь“ помѣщается обыкновенно въ лѣсу изъ фикусовъ, пальмъ и мощныхъ эвкалиптовыхъ деревьевъ, занимая участокъ около одной квадратной версты. Почва мѣстами болотиста и нога погружается иногда до колѣна въ вязкую тину.

Летучая собака.

На вершинахъ деревьевъ висятъ внизъ головою, прицѣпившись лапами къ вѣткамъ, тысячи летучихъ собакъ. Обыкновенно у нихъ есть излюбленные лѣса и деревья, на которыхъ онѣ висятъ тѣсными кучами. Впрочемъ, далеко не всѣ спятъ, нѣкоторые бодрствуютъ, временами отрываются отъ общей массы, перелетая съ крикомъ на другое мѣсто, такъ что уже издали слышно присутствіе этихъ животныхъ. Почва подъ деревьями, на которыхъ сидятъ летучія собаки, покрыта кучами со-

Летучая собака

рванныхъ листьевъ и вѣтвей. Въ лѣсу всегда можно замѣтить нѣсколько крупныхъ соколовъ, которые летаютъ между спящей добычей, высматривая неосторожно высунувшихся изъ-подъ защиты листового крова летучихъ собакъ. Если выстрѣлить среди этой массы спящихъ летучихъ мышей, то въ лѣсу поднимается невообразимая суматоха. Подобно привидѣніямъ, безшумно летаютъ между вершинами деревьевъ эти странные звѣри и снова мало-по-малу подвѣшиваются къ деревьямъ. Колонисты увѣряютъ, что летучія собаки собираются въ такія громадныя стада лишь въ определенное время года и, по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ, снова разлетаются въ разныя стороны, оставляя на мѣстѣ лишь однихъ молодыхъ.

III.

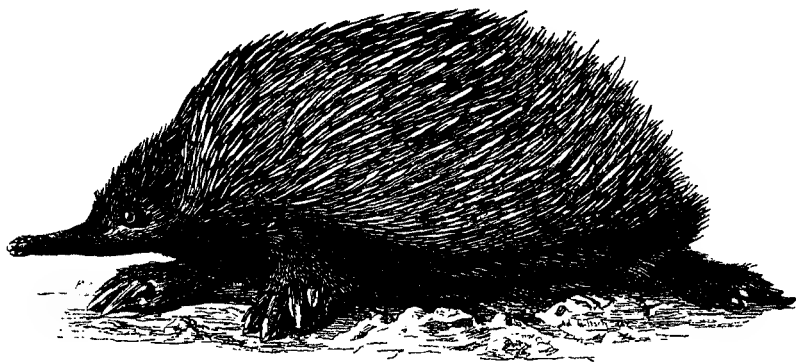
Не менѣе сумчатыхъ характерны для австралійскаго материка любопытные по строенію своего тѣла птицевѣри. Если остатки сумчатыхъ, распространенныхъ нѣкогда по всему земному шару, уцѣлѣли въ видѣ опоссума лишь въ южной части Южной Америки, то уже птицевѣрей нигдѣ нельзя найти, кромѣ Австраліи и нѣкоторыхъ прилежащихъ къ ней острововъ. Сюда относятся два звѣря: эхидна и утконосъ.

Эхидна водится во всей Австраліи и даже въ Тасманіи, гдѣ зимою выпадаетъ снѣгъ. Несравненно болѣе ограничено распространеніе утконоса: онъ встрѣчается только въ юго-восточной области материка и въ Тасманіи; его совершенно нѣтъ въ западной и сѣверной части материка, также и въ Новой Гвинее.

Боязливую, осторожную эхидну найти очень трудно: она держится въ густыхъ непролазныхъ скрубахъ, среди дикихъ скалистыхъ мѣстностей; рѣдко доведется встрѣтить звѣря въ открытомъ лѣсу. Эхидна выселяется

даже изъ густого скруба, если вблизи его располагаются человѣческія жилища.

Впрочемъ, и тамъ, гдѣ животное встрѣчается часто, можно прожить нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, не увидѣвъ его ни разу; многимъ колонистамъ, знающимъ въ лѣсу чуть ли не каждое животное и растеніе, иногда ни разу не приходилось видѣть живой эхидны. Это происходитъ не отъ того только, что эхидна ведетъ ночной образъ жизни. Многія сумчатые также выходятъ на добычу лишь ночью и тѣмъ не менѣе хорошо всѣмъ извѣстны.

Э х и д н а

У эхидны къ этому присоединяются еще недоступность ея мѣстообитанія и необыкновенная осмотрительность и безшумность движеній; при малѣйшемъ признакѣ опасности, эхидна прекращаетъ свои странствованія и, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, безслѣдно исчезаетъ.

При своихъ ночныхъ странствованіяхъ эхидна разыскиваетъ себѣ червей и насѣкомыхъ, которыхъ она добываетъ изъ ихъ убѣжищъ въ норахъ, въ расщелинахъ камней и подъ корою при помощи своей острой хоботообразно удлиненной морды. Главную пищу ея составляютъ муравьи; она ловитъ ихъ подобно муравь-

Э х и д н а

ѣду, погружая свой длинный языкъ въ муравейникъ и оставляя его въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не покроется сплошь кусливыми насѣкомыми, послѣ чего снова быстро втягиваетъ его обратно въ ротъ. Наружные покровы тѣла у эхидны настолько крѣпки и толсты, что они, подобно панцырю, отлично защищаютъ ее отъ укушеній муравьевъ, которые въ Австраліи отличаются большимъ задоромъ и сильными острыми челюстями.

Въ неволѣ эхидна оказывается довольно тупымъ и упрямымъ животнымъ. Прирожденная боязливость препятствуетъ ей полному прирученію, но все же она постепенно привыкаетъ къ своему хозяину. Во всякомъ случаѣ, эхидна гораздо умнѣ всякаго пресмыкающагося, но значительно уступаетъ въ этомъ отношеніи птицамъ и высшимъ звѣрямъ, какъ и большинство сумчатыхъ.

Бросается въ глаза ей необыкновенная любовь къ свободѣ. Всѣми средствами старается эхидна избавиться отъ угнетающаго ее плѣна, обнаруживая при этомъ громадную энергію. Днемъ она обыкновенно спокойно сидитъ въ своей темницѣ, повидимому, вполне примирившись со своею участью; но наступаетъ ночь и животное какъ бы выходитъ изъ своего летаргическаго состоянія, обнаруживая поразительную подвижность и настойчивость. Она легко вылѣзаетъ изъ ящиковъ, сбрасывая прикрывающую ихъ крышку; слегка забитые сверху гвоздями ящики, доски которыхъ не совсѣмъ плотно пригнаны, эхидна также легко разламываетъ при помощи своихъ сильныхъ конечностей.

Австралійскіе дикари, которымъ поручалось за извѣстную награду поймать эхидну живьемъ, часто не могли, благодаря значительному разстоянію, въ одинъ день доставить пойманное животное къ лагерю путешественника. Располагаясь на временную почевку, они привязывали плѣнныхъ эхиднъ толстыми бечевками за одну или двѣ ноги и тѣмъ не менѣе, какъ бы ни была крѣпко затянута веревка, къ утру эхиднѣ обыкно-

венно удавалось освободить себя отъ удерживавшихъ ее путь и добиться желанной свободы. При этомъ эхидна не обращала никакого вниманія на раны, которыя наносила ей при работѣ веревка.

Наученные опытомъ, дикари стали брать съ собою на охоту небольшіе мѣшки, въ которые и сажали на ночь пойманныхъ животныхъ. Однако и въ этомъ случаѣ если только мѣшокъ не былъ тщательно завязанъ, эхидны умѣли добыть себѣ свободу.

При одномъ изъ подобныхъ случаевъ удалось сдѣлать интересное наблюденіе относительно памяти эхидны.

Пойманная эхидна была унесена въ мѣшкѣ за шесть верстъ отъ родного скруба въ лагерь. Ночью ей удалось убѣжать. Одинъ изъ дикарей пошелъ по ея слѣдамъ, которые вели прямо къ тому мѣсту, гдѣ она была поймана. Дѣйствительно, вблизи этого мѣста дикарь нашелъ эхидну: она спокойно спала въ вырытомъ ею самой углубленіи. Такъ какъ животное было принесено въ лагерь въ мѣшкѣ и направилось къ своему прежнему мѣстожительству по прямому направленію, то надо допустить, что оно руководилось при этомъ чувствомъ обонянія. Дѣйствительно, эхидны издаютъ рѣзкій запахъ, который позволяетъ имъ безъ труда отыскивать другъ друга.

Въ случаѣ опасности эхидна свертывается клубкомъ наподобіе ежа или закапывается въ землю. Этихъ средствъ оказывается достаточно, чтобы избавить осторожное животное отъ преслѣдованія.

По строенію своего тѣла эхидна, какъ и утконосъ, занимаетъ среднее положеніе между птицами и звѣрями. Сходство съ птицами особенно рѣзко выступаетъ въ томъ, что эхидна, подобно имъ, несетъ яйца. Яйцо эхидны имѣетъ въ длину около 15 миллиметровъ, другими словами, достигаетъ величины лѣсного орѣха, и одѣто кожистой скорлупой, совершенно не заключающей въ себѣ извести. Вообще, по внѣшнему виду

яйцо эхидны напоминает яйца черепахъ и ящерицъ. Снесши яйцо, эхидна помѣщаетъ его въ свой брюшной мѣшокъ, который каждый разъ появляется къ этому времени и снова исчезаетъ по минованіи надобности. По всей вѣроятности, эхидна помѣщаетъ яйцо въ мѣшокъ при помощи своей длинной морды, катая яйцо по землѣ, не прибѣгая къ помощи неуклюжихъ короткихъ ногъ; отверстіе рта ея слишкомъ узко, чтобы захватить яйцо губами, какъ это дѣлаютъ со своими дѣтенышами сумчатая. Въ сумкѣ изъ яйца скоро вылупливается дѣтенышъ, который, подобно птенцамъ птицъ, имѣетъ на концѣ морды роговое утолщеніе, помогающее ему разломать скорлупу. Разбитая скорлупа сейчасъ же выбрасывается матерью, а дѣтенышъ остается лежать въ сумкѣ, питаясь материнскимъ молокомъ.

По прошествіи десяти недѣль дѣтенышъ достигаетъ длины двухъ вершковъ, на поверхности его тѣла появляются шипы. Въ это время онъ выходитъ изъ сумки матери и начинаетъ самостоятельную жизнь, прячась въ углубленіяхъ почвы, вырытыхъ для него матерью. Время отъ времени мать приходитъ провѣдать свое дѣтище, продолжая прикармливать его молокомъ.

Другой птице-звѣрь—утконосъ распространенъ не по всей Австраліи, а встрѣчается только въ ея южной и восточной части, а также на островѣ Тасманіи. Онъ держится по берегамъ рѣкъ и представляетъ изъ себя такое же водное животное, какъ рѣчной бобръ или выдра, отыскиваетъ свою пищу исключительно въ водѣ, подъ которой можетъ держаться долгое время, хотя и дышитъ, подобно всѣмъ звѣрямъ, легкими. День онъ обыкновенно проводитъ во снѣ въ вырытой имъ норѣ на берегу. Нора утконоса имѣетъ два входа, одинъ — надъ водой, другой — подъ водой; оба входа, соединившись вмѣстѣ, продолжаются въ длинную

нору, въ 6—10—15 метровъ, ведущую отъ уровня воды косо вверхъ въ небольшое котлообразное расширеніе.

Для того, чтобы добыть животное, Земонъ вставалъ рано утромъ, до восхода солнца, и спѣшилъ къ такимъ мѣстамъ рѣки, которыя, по всѣмъ признакамъ, должны были служить мѣстомъ охоты утконоса.

Утконось любитъ глубокія, широкія мѣста рѣки; здѣсь онъ чувствуетъ себя въ безопасности, такъ какъ въ любое время можетъ нырнуть подъ воду и скрыться отъ преслѣдователя. Рѣка въ такихъ мѣстахъ должна

Утконось.

имѣть медленное теченіе, чтобы на днѣ могло поселиться значительное количество водныхъ растений и животныхъ.

Во время австралійской зимы, т.-е. съ іюня по конецъ августа, когда ночи становятся холодными, можно съ увѣренностью рассчитывать встрѣтить на рѣкѣ утконоса при восходѣ и закатѣ солнца. Если раннимъ утромъ отправиться на рѣку и ожидать здѣсь наступленія дня, то можно при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, упавшихъ на поверхность рѣки, замѣтить какой-то предметъ, длиною отъ 1 до 2 футовъ, плывущій на подобіе доски по рѣкѣ. Иногда въ теченіе нѣкотораго времени онъ остается неподвижнымъ, затѣмъ

УТКОНОСЪ.

внезапно снова исчезаетъ, а черезъ нѣсколько минутъ появляется на другомъ мѣстѣ. Это и есть утконосъ, добывающій въ рѣчномъ илѣ свой утренній завтракъ. Своимъ плоскимъ утинымъ клювомъ онъ копается въ рѣчномъ илѣ, разыскивая здѣсь личинокъ наѣдокъ, червей, улитокъ, въ особенности же ракушекъ. Добыча не съѣдается сейчасъ же, а прячется въ обширную кладовую, образованную защечными мѣшками; только когда эти мѣшки совершенно наполнятся, утконосъ выбирается на поверхность рѣки и принимается здѣсь за пережевываніе и глотаніе пищи. Когда видишь недвижимое, распростертое на водѣ животное, увлекаемое теченіемъ рѣки, значить, оно занято размельченіемъ добытой пищи.

Утконосъ, подобно эхиднѣ, не имѣетъ зубовъ, что также сближаетъ его съ птицами. Правда, у молодого утконоса какъ на верхней, такъ и на нижней челюсти можно замѣтить плоскіе бугорчатые зубы, числомъ всего 8, близко напоминающіе по своей формѣ зубы нѣкоторыхъ ископаемыхъ звѣрей, но эти зубы скоро изнашиваются и выпадаютъ, замѣняясь роговыми утолщеніями по краямъ челюстей.

Исчезновеніе зубовъ у утконоса легко объясняется способомъ его питанія: главную пищу его составляетъ одна ракушка, защищенная твердой, скорлуповатой раковиной; иногда оба защечныхъ мѣшка утконоса сплошь набиты запасами этой любимой его пищи. Для размельченія ея зубы, конечно, являются слишкомъ плохимъ орудіемъ: они черезчуръ ломки и поэтому скоро изнашиваются. Для того, чтобы разгрызать подобные „твердые орѣхи“, несравненно удобнѣе роговое вооруженіе челюстей.

Когда утконосъ находится на поверхности воды, онъ своими мелкими, глубоко скрытыми среди мѣха, глазками отлично видитъ все, что творится на противоположномъ берегу. Столь же остеръ и его слухъ: малѣй-

шаго подозрительнаго звука достаточно, чтобы испугать боязливое животное. Вотъ почему совершенно напрасно пытаться подкрасться къ нему, когда оно находится на поверхности воды. Слѣдуетъ стоять неподвижно на подобіе статуи, до тѣхъ поръ, пока животное не нырнетъ подъ воду; тогда сейчасъ же дѣлають нѣсколько шаговъ къ тому мѣсту, гдѣ оно исчезло. Когда утконосъ снова появится на поверхности воды, слѣдуетъ опять стоять неподвижно. Этотъ приемъ повторяють до тѣхъ поръ, пока не подкрадутся къ животному на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Будучи испуганъ, утконосъ ни за что не покажется болѣе въ то же утро или вечеръ.

Утконосы ловятъ также, настораживая петли, но этотъ способъ охоты не всегда бываетъ удаченъ. Петлю настораживаютъ противъ входа въ нору, расположенную надъ поверхностью воды, въ расчетъ, что животное должно попасться въ нее при выходѣ или при возвращеніи въ свое жилище. Но дѣло въ томъ, что утконосъ въ большинствѣ случаевъ предпочитаетъ пользоваться подводнымъ ходомъ, верхнее же отверстіе служить, главнымъ образомъ, для освѣженія воздуха въ жилищѣ. Кромѣ того, часто можно ошибиться и поставить петлю передъ входомъ въ давно покинутую животнымъ нору. Утконосъ любитъ, чтобы верхній надводный входъ въ его жилище отстоялъ на нѣсколько метровъ выше отъ поверхности воды. Если вода въ рѣкѣ поднимается очень высоко или, наоборотъ, уровень ея сильно понизится, то жилище перестаетъ удовлетворять требованіямъ; животное покидаетъ его и устраиваетъ новое. Въ одинъ и тотъ же годъ подобная перемѣна квартиры можетъ случиться нѣсколько разъ; вотъ почему въ мѣстностяхъ, подходящихъ для жизни утконоса, на ряду съ обитаемыми жилищами, можно встрѣтить цѣлый рядъ покинутыхъ норъ. Такъ какъ животное почти никогда не пользуется верхнимъ хо-

домъ норы, то заранѣе очень трудно рѣшить, обитаема нора или нѣтъ.

Съ наступленіемъ болѣе темныхъ ночей утконосъ начинаетъ попадаться все рѣже и рѣже и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Это объясняется тѣмъ, что въ теплое время года животное охотится исключительно только по ночамъ, а весь день спитъ въ своей норѣ.

Нора утконоса.

Туземцы Австраліи плохо знаютъ повадки утконоса, такъ какъ они брезгуютъ его мясомъ и никогда за нимъ не охотятся. Дѣйствительно, животныя издають непріятный запахъ воровани. Туземцамъ Австраліи утконосъ настолько противенъ, что изъ съ трудомъ можно уговорить помочь раскопать нору животнаго, или,

Пора утконоса.

вообще, содѣйствовать поимкѣ, по ихъ мнѣнію, совершенно бесполезнаго звѣря. Совершенно иначе они относятся къ эхиднѣ, мясо которой считают лучшимъ лакомствомъ, предпочитая его даже мясу рогатаго скота.

Колонисты также не преслѣдуютъ утконоса. Правда, животное имѣетъ красивый густой мѣхъ: онъ напоминаетъ нѣсколько мѣхъ крота, но только съ болѣе длинными волосами. Однако въ такой жаркой странѣ, какъ Австралія, мало нуждаются въ теплой мѣховой одеждѣ, притомъ охота за утконосомъ настолько трудна, а само животное такъ мало, что, дѣйствительно, „овчинка не стоитъ выдѣлки“.

III.

Отъ птице-звѣрей—ближайшій шагъ къ настоящимъ птицамъ, этимъ „царямъ воздуха“.

По красотѣ и яркости окраски царство пернатыхъ Австраліи занимаетъ первое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, если причислить сюда также птицъ Новой Гвинеи. Самая красивая птица, такъ называемая „райская“, живетъ въ Новой Гвинее, но и безъ нея на материкѣ Австраліи найдется достаточно красивыхъ ярко-окрашенныхъ птицъ, тѣмъ болѣе, что въ рѣдкомъ, свѣтломъ лѣсу Австраліи всѣ птицы гораздо замѣтнѣе, нежели въ темныхъ дебряхъ тропическаго первобытнаго лѣса Новой Гвинеи.

Въ Австраліи птицы, дѣйствительно, украшаютъ и оживляютъ пейзажъ. Когда стая попугаевъ, кисточкоязычковыхъ лори, перья и клювъ которыхъ переливаются всѣми оттѣнками зеленаго, желтаго, краснаго и голубаго цвѣтовъ, перемѣшанныхъ между собою самымъ удивительнымъ образомъ, опускается на усыпанное цвѣтами эвкалиптовое дерево и съ оглушительнымъ шумомъ начинаетъ перепархивать съ вѣтки на

вѣтку среди прозрачной вершины, высасывая изъ цвѣтовъ медъ при помощи своихъ язычковъ въ видѣ кисточекъ, только тогда получаешь представленіе о всей прелести этихъ птицъ; о ней нельзя и подозрѣвать, наблюдая тѣхъ же птичекъ въ тѣсной клѣткѣ или въ видѣ безжизненныхъ музейскихъ чучелъ.

Столь же красивы здѣсь другіе попугаи, напримѣръ, розелла, опереніе которыхъ представляетъ изъ себя самую причудливую смѣсь цвѣтовъ, образующихъ всевозможные переходы отъ ярко-желтаго цвѣта къ оранжевому и отъ свѣтло-голубаго къ темно-синему вплоть до бураго и чернаго.

Еще пестрѣе и блестящѣе окраска перьевъ у его близкаго родича—земляного попугая. Это, вообще, одинъ изъ самыхъ красивыхъ попугаевъ, которые только существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя они и не бросаются такъ въ глаза, какъ кисточкоязычковые попугаи, такъ какъ, подобно розеллѣ, предпочитаютъ болѣе сидѣть на землѣ, нежели на деревьяхъ, и никогда не сбиваются въ крупныя стаи.

Однако пальму первенства слѣдуетъ отдать все же не этимъ пестро окрашеннымъ формамъ, а одному попугаю, перья котораго окрашены только въ два цвѣта: голова, затылокъ, грудь и, вообще, весь исподъ тѣла окрашенъ въ яркій огненно-красный цвѣтъ, между тѣмъ какъ спина и крылья имѣютъ темно-зеленую окраску. Длинный хвостъ — чернаго цвѣта. Такъ расцвѣченъ, впрочемъ, только самецъ; самка имѣетъ болѣе блѣдную и невзрачную окраску; голова и затылокъ у нея не краснаго, а такого же темно-зеленаго цвѣта, какъ и вся верхняя сторона тѣла. Благодаря тому, что опереніе самца, кромѣ превосходной ярко красной окраски, не имѣетъ какого другого яркаго цвѣта, окраска его производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. Этотъ попугай, извѣстный у колонистовъ подъ именемъ „царя попугаевъ“, живетъ въ густомъ

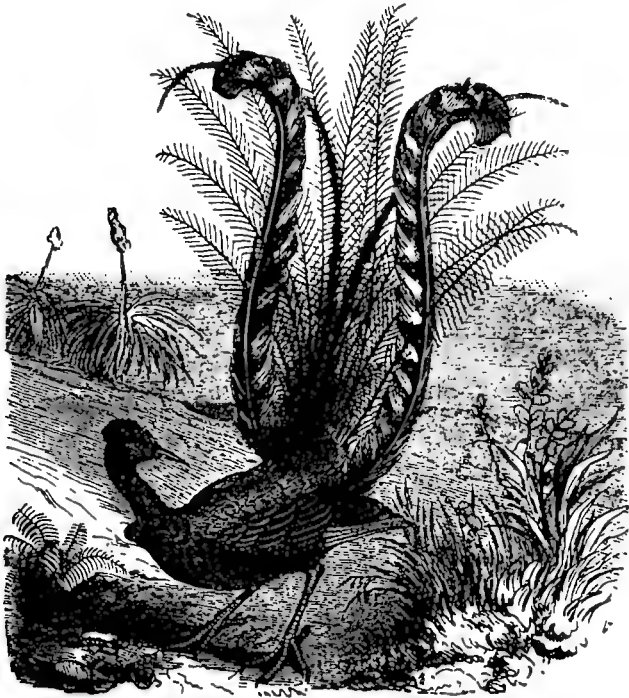
мрачномъ скрубѣ. Акаціи и невысокія казуарины составляютъ этотъ скрубъ. Онѣ стоятъ другъ подлѣ друга, но не образуютъ непроницаемаго листового покрова, какъ у гигантовъ тропическаго первобытнаго лѣса. Поэтому ужъ издалека виднѣются ярко-красныя голова и грудь царскаго попугая, особенно рѣзко выступающія на тусклой зелени скруба въ томъ случаѣ, когда вспугнутая птица, медленно поднимая крылья, перелетаетъ съ одного низкаго дерева на другое. Никакой драгоценный камень не можетъ сравниться съ этой блестящей птицей, рѣзко вырисовывающейся среди однообразнаго ландшафта ея родной природы.

Нерѣдко въ Австраліи приходится видѣть стаи столь хорошо извѣстныхъ всѣмъ бѣлоснѣжныхъ какаду съ ихъ ярко-желтымъ хохолкомъ на головѣ. Необыкновенное оживленіе, гамъ и крикъ царятъ въ стаѣ. Умныя и проворныя птицы мало смущаются приближеніемъ человѣка къ тѣмъ деревьямъ, на которыхъ разсѣлось все ихъ общество. Какаду временами любятъ забираться въ плодовые сады, особенно такіе, гдѣ разводятъ арбузы; поэтому въблизи поселеній колонистовъ птица считается вредной и усердно преслѣдуется. Однако, какаду мало боятся человѣка: если ихъ спугнуть, они съ оглушительнымъ крикомъ поднимаются въ воздухъ, чтобы снова опуститься на прежнее мѣсто, лишь только удалится охотникъ.

Гораздо трусливѣе черныя какаду, почему наблюдать за ними труднѣе. Они не живутъ такими большими стаями, какъ ихъ собратья, а летаютъ по одиночкѣ надъ вершинами австралійскаго лѣса. Голосъ ихъ также не столь оглушительнъ, какъ у бѣлыхъ какаду.

Замѣчательную наружность имѣетъ птица-лира. Хвостъ ея состоитъ изъ трехъ различныхъ сортовъ перьевъ. Два верхнихъ пера имѣютъ темно-сѣрую окраску и усѣяны ржавчинными пятнами. Два болѣе нижнихъ

пера, слегка изогнутыя въ двухъ направлєніяхъ, жемчужнаго цвѣта и усѣяны бурыми или черными пятнами. Опахала ихъ сплошныя, изгибаются красивою дугою къ концу и украшены черною полосою, шириной въ дюймъ, а на концѣ разсѣчены въ бахрому. Третья группа перьевъ, столь же длинныхъ, убрана длинными

Птица-лира.

нитями въ видѣ бахромы. Окраска перьевъ у самки болѣе однообразна, нежели у самца. Перья птицы-лиры составляютъ въ Австраліи предметъ торговли: въ прежнее время они продавались по дешевой цѣнѣ, но съ того времени, какъ птица стала рѣдкой, цѣна на нихъ поднялась.

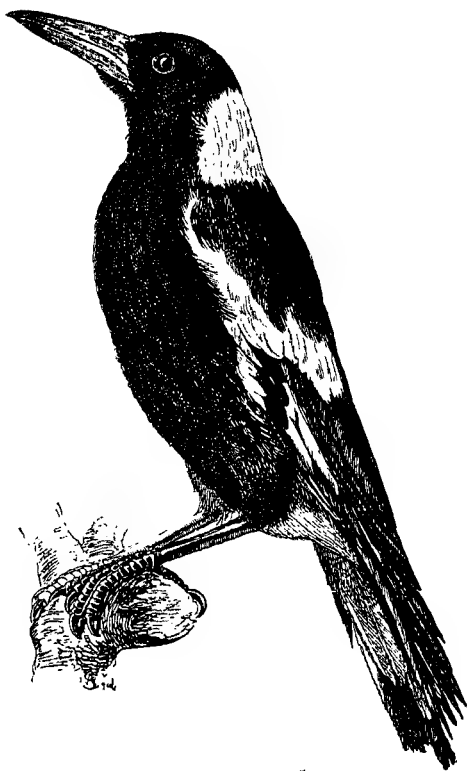
Птица-лира.

Въ Австраліи водятся три вида птицы-лиры. Всѣ онѣ очень трусливы, держатся въ области скруба и живутъ одиноко или парами. Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и слизняковъ. Ихъ сильныя ноги позволяютъ имъ дѣлать громадныя прыжки, въ 10 футовъ высоты. Гнѣздо птицы-лиры очень большое, оно дѣлается изъ сучьевъ, а внутри выстилается мохомъ, листьями и перьями. Птица-лира откладываетъ только одно яйцо красноватаго цвѣта, усѣянное темно-бурыми пятнами.

Въ Австраліи совершенно нѣтъ пѣвчихъ птицъ, похожихъ на европейскихкихъ. Впрочемъ, мелкія птички хотя и не обладаютъ здѣсь пріятными голосами, но щеголяютъ чрезвычайно красивымъ нарядомъ. Когда стая ихъ разсыпится по высокой травѣ или по прибрежному тростнику, нельзя отвести глазъ отъ этой красивой картины.

Зато въ Австраліи есть и такія птицы, которыя хотя и не поютъ, но издаютъ такіе странные звуки, что приводятъ въ немалое удивленіе путешественника.

Раннимъ утромъ удивительно пріятно слышать звуки

Птица-флейтистъ.

Птица-флейгистъ.

одной, похожей на нашу ворону птицы, извѣстной здѣсь подъ именемъ „птицы-флейтиста“; дѣйствительно, ея громкіе крики, раздающіеся каждое утро, напоминаютъ звуки флейты. Перья этой птицы густого чернаго цвѣта, только затылокъ и кроющія перья крыла и хвоста окрашены въ бѣлый цвѣтъ, образующій рѣзкій пріятный контрастъ съ общимъ темнымъ фономъ птицы. Подобно нашимъ сорокамъ, это очень смѣлое, живое созданіе, нисколько не боящееся человѣка. Флейтистъ питается главнымъ образомъ насѣкомыми, особенно всевозможными кузнечиками; впрочемъ, онъ не брезгаетъ и мелкими пресмыкающимися, а также опасенъ и птенцамъ. Крики отдѣльныхъ птицъ очень разнообразны; среди нихъ встрѣчаются какъ зайки, такъ и настоящіе художники звука.

Послѣ захода солнца, въ окрестностяхъ рѣкъ и стоячихъ водъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ слышатся глухіе призывные крики длиннохвостыхъ фазаноподобныхъ птицъ, слывущихъ у колонистовъ подъ именемъ „лѣсныхъ фазановъ“. Птицы эти, по большей части, держатся на землѣ, прячась въ густой травѣ и кустарникѣ. Когда ихъ спугнуть, онѣ тяжело перелетаютъ на нижнія вѣтки дерева и, перепрыгивая съ сучка на сучокъ, добираются, наконецъ, до вершины, гдѣ и оправляются. На самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ не фазаны, а кукушки, хотя крикъ ихъ и не имѣетъ ничего общаго съ крикомъ нашей кукушки. Въ Австраліи нѣтъ настоящихъ фазановъ, точно такъ же какъ и мелкихъ пѣвчихъ птицъ, дятловъ и коршуновъ.

Нерѣдко, впрочемъ, особенно въ ночное время, въ австралійскомъ лѣсу дѣйствительно слышится кукованье. На самомъ дѣлѣ, однако же, это кукованье принадлежитъ совсѣмъ не кукушкѣ, а одному виду совы, такъ называемой „кукушечной совѣ“. „Удивительная, въ самомъ дѣлѣ, страна Австралія!—воскликаетъ по этому поводу Земонъ:—звѣри несутъ здѣсь яйца, кукушки выглядятъ фазанами, а совы кричатъ кукушками“.

Послѣ захода солнца, когда наступаетъ совершенная темнота, часто можно слышать рѣзкіе призывные звуки. Путешественники предполагаютъ, что эти звуки принадлежатъ австралійской караванкѣ, но самой птицы видѣть имъ не приводилось.

Но самые своеобразные звуки, которые только можно себѣ представить, это тотъ дьявольскій хохотъ, который слышится при восходѣ и заходѣ солнца по берегамъ рѣкъ, повторяясь съ неизмѣнною правильностью каждый день подобно бою часовъ. До сихъ поръ еще селенія человѣка разбросаны очень рѣдко по австралійскому лѣсу, лишь въ немногихъ изъ нихъ имѣется церковь, да и то на ея кококольнѣ никогда не бываетъ часовъ, какъ это обычно для англійскихъ церквей. Часами дня колонистовъ служатъ крики этой птицы, громкій хохотъ которой начинается и заканчивается каждый день. Ее иногда даже называютъ: „часы колониста“, „Settler's clock“). Впрочемъ, болѣе обыкновенное названіе этой птицы „Ванька-хохотунъ“ (laughing-Jackass).

„Ванька-хохотунъ“ принадлежитъ къ семейству зимородковъ, составляя одного изъ самыхъ крупныхъ его представителей. Въ противоположность нашему зимородку, онъ ищетъ своей добычи на сушѣ, а не ныряетъ въ воду. Хохотунъ—заклятый врагъ пресмыкающихся; онъ умерщвляетъ и пожираетъ не только ящерицъ, мелкихъ и крупныхъ безвредныхъ змѣй, но съ отвагою и осторожностью нападаетъ на многочисленныхъ опасныхъ ядовитыхъ змѣй Австраліи, убивая ихъ ударами своего стального клюва. По этому птицъ охотно прощаютъ, если она при случаѣ утащитъ беззащитнаго цыпленка; вообще, хохотуна никто не трогаетъ.

Ловкій подвижной хохотунъ обладаетъ большимъ запасомъ веселья; усѣвшись на эвкалиптовомъ деревѣ, онъ съ высоты своей обсерваторіи съ интересомъ и вниманіемъ слѣдитъ за дѣятельностью человѣка, временами раздражаясь самымъ задушевнымъ смѣхомъ. Этотъ

смѣхъ дѣйствуетъ заразительно: ему вторить вторая, третья, четвертая птица, наконецъ ихъ составляется цѣлая дюжина, и тихій австралійскій лѣсъ наполняется такими оглушительными раскатами хохота, которые у насъ доводится слушать развѣ только въ театрѣ при выходѣ любимаго публикой комика.

Путешественники по рѣкамъ Австраліи постоянно

составляютъ предметъ подозрительнаго наблюденія со стороны многочисленныхъ длинноногихъ и длинноносыхъ голенастыхъ птицъ, занимающихъ свои сторожевые посты вдоль рѣки и какъ бы царящихъ надъ остальнымъ ея птичьимъ населеніемъ.

Все это стройныя, красиво оперенныя птицы. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе громадный австралійскій аистъ, или „ябиру“, какъ его здѣсь называютъ. Голова и шея его окрашены въ зеленый цвѣтъ съ металлическимъ отливомъ; затылокъ фіолетовый; спина, хвостъ и крупныя кро-

Хохотунъ

ющія перья крыла зеленые съ чуднымъ золотистымъ блескомъ; грудь, исподъ тѣла и нижняя поверхность тѣла бѣлыя. Мощный клювъ — чернаго цвѣта, а необыкновенно длинныя ноги — красныя. Можно прямо сказать, что во всемъ мірѣ нѣтъ аиста, который могъ бы сравняться съ австралійскимъ по бо-

Хохотунъ

ющія перья крыла зеле
стымъ блескомъ: груд

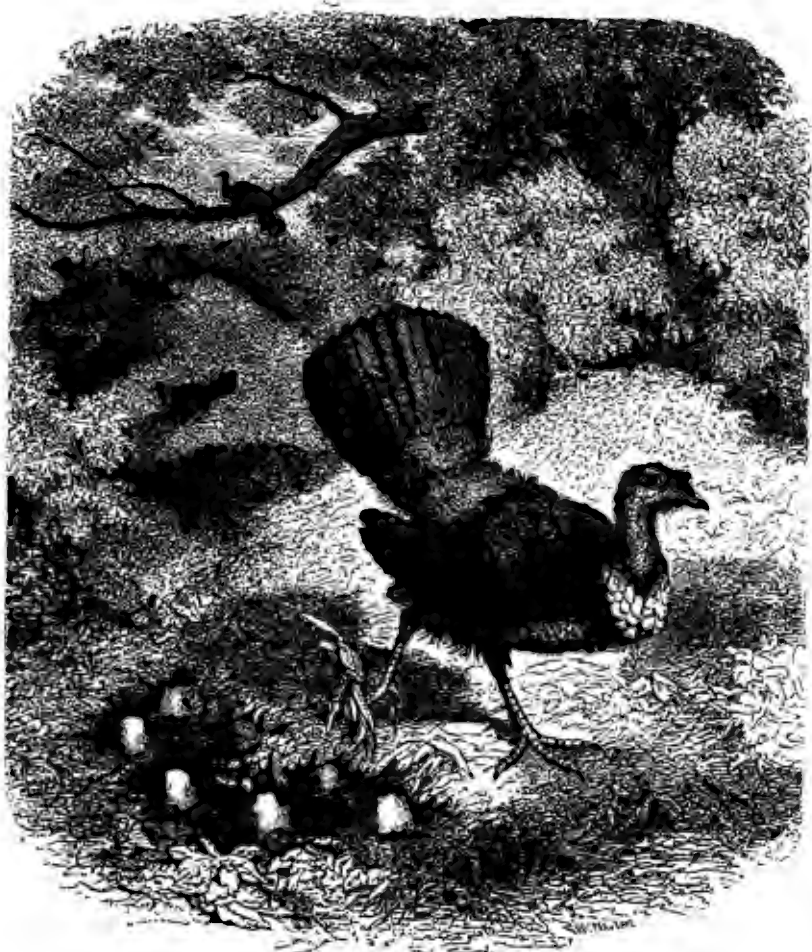
гатству красокъ, величинѣ и изяществу. Впрочемъ, и здѣсь онѣ попадаются далеко не часто.

Гораздо обыннѣе на рѣкахъ Австраліи—австралійскій журавль, который слыветъ у колонистовъ подъ именемъ „компаньона“. Это тоже очень красивая птица съ серебристо-сѣрымъ опереніемъ; только верхняя сторона крыльевъ имѣетъ болѣе темную окраску.

По рѣкамъ и стоячимъ водамъ Австраліи водятся также очень много цапель; разбившись по одиночкѣ, онѣ цѣлыми днями занимаются рыбною ловлей. Эти птицы причиняютъ много горя и досады австралійскимъ охотникамъ. Измученный, принимая всевозможныя мѣры предосторожности, подползаетъ охотникъ къ стаѣ дикихъ утокъ или гусей; вотъ онѣ, незамѣченный плавающими по водѣ птицами, подкрался къ нимъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла и, пользуясь надежнымъ прикрытіемъ, собирается спустить курокъ... вдругъ — о горе!—его увидала сидящая у воды на деревѣ цапля; она быстро поднимается и увлекаетъ за собой стаю гусей и утокъ... Раздосадованный охотникъ возвращается съ пустыми руками.

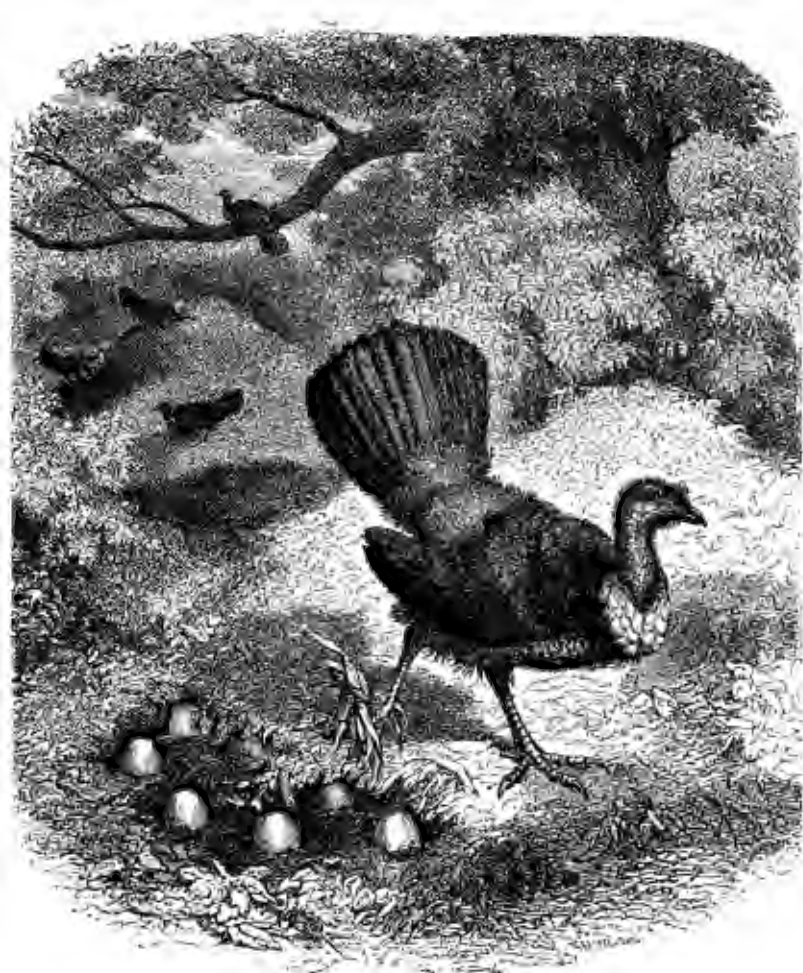
Въ чащѣ унылаго австралійскаго скруба водится очень интересная по своему образу жизни птица,— «скрубая курица». Почва между стволами почти совершенно лишена растительности, усыпана сухими вѣтвями, листьями и поверженными стволами. Здѣсь-то и дѣлаютъ эти птицы свои удивительныя гнѣзда. Онѣ стаскиваютъ при помощи своихъ сильныхъ ногъ необходимое количество всевозможныхъ остатковъ: переноя, травы, листьевъ, вѣтвей, грибовъ, въ громадную плоскую кучу, имѣющую до двухъ сажень въ поперечникъ и до одной сажени въ высоту. Для образованія такой кучи потребовалось бы привезти нѣсколько возовъ на лошади. До сихъ поръ еще хорошенько не знаютъ, складывается ли каждая куча только одной парой птицъ, или въ созданіи этихъ мощныхъ построекъ

участвовать цѣлое общество птицъ. Последнее предположеніе, пожалуй, вѣроятнѣе, такъ какъ иногда въ

Скрубная курица.

одной кучѣ приходилось находить болѣе 30 яицъ; трудно допустить, чтобы такое количество было снесено одною птицей. Въ эту кучу и кладутся яйца, при чемъ каждое

Скрубная курица.

закапывается отдѣльно на глубину отъ одного до полутора аршинъ. Теплота, развивающаяся въ кучѣ вслѣдствіе гніенія образующихъ ее растительныхъ остатковъ, является какъ бы парникомъ, замѣняющимъ насѣдку. Впрочемъ, родители не перестаютъ заботиться о своемъ будущемъ потомствѣ, ежедневно, по нѣскольку разъ приходятъ къ кучѣ и провѣтриваютъ яйца. Они смотрятъ за тѣмъ, чтобы яйца лежали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ температура не слишкомъ высока и не слишкомъ низка, и помогаютъ вылупившимся птенцамъ выбраться изъ глубины этого выводнаго аппарата на свѣтъ Божій.

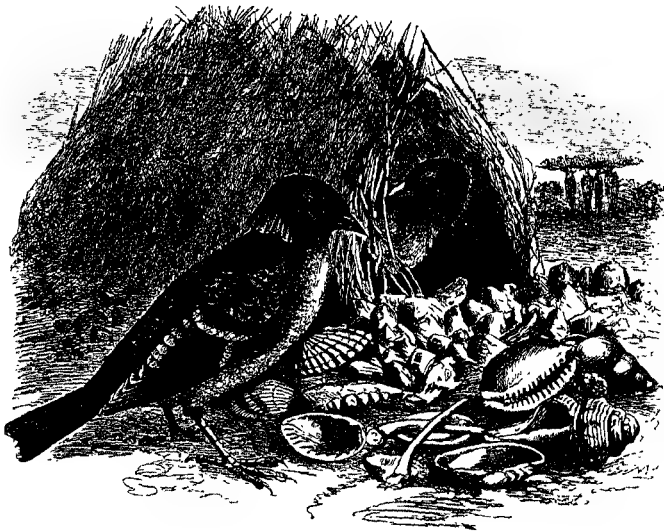
Къ постройкѣ кучь птицы приступаютъ еще въ августѣ, а кладка яицъ происходитъ только около Рождества. Обыкновенно каждый годъ птицы дѣлаютъ новыя кучи, приступая къ ихъ постройкѣ за 4—5 мѣсяцевъ до кладки яицъ.

Еще болѣе интересные нравы встрѣчаемъ мы у другой австралійской птицы, которая также часто попадаетъ въ скрубъ. Это знаменитый австралійскій плащеносецъ, или „бесѣдочная птица“.

Будучи близкимъ родичемъ райской птицы, плащеносецъ имѣетъ однако же довольно невзрачное опереніе: верхняя сторона тѣла имѣетъ темно-бурую окраску съ свѣтлыми крапинами, нижняя сторона сѣрая, съ примѣсью желтаго цвѣта. Лишь затылокъ украшенъ чепчикомъ изъ розовыхъ перьевъ, рѣзко выдѣляющихся на общемъ буромъ фонѣ. Величиной птица съ нашу орѣховку.

Плащеносецъ дѣйствительно обладаетъ эстетическими и даже романтическими наклонностями. Подобно другимъ птицамъ, онъ строитъ свои гнѣзда изъ вѣтокъ между сучьями эвкалиптовыхъ и миртовыхъ деревьевъ, выстилаетъ ихъ изнутри травой и пухомъ и высиживаетъ въ нихъ яйца. Но этимъ птица не довольствуется. Она не обладаетъ хорошимъ голосомъ, не

щеголяеть богатымъ нарядомъ, которымъ могла бы по-
красоваться передъ подругой своего сердца; рыцарскіе
турниры, въ которыхъ храброму побѣдителю отдается

Плещеносецъ.

предпочтеніе, также не сродни ея характеру, отличаю-
щемуся болѣе мирными наклонностями.

Но если природа отказала плещеносцу въ рыцарской
отвагѣ, красотѣ красокъ и дарѣ пѣнія, то она снабдила
его талантами архитектора и декоратора. Въ уединен-
ныхъ мѣстечкахъ скруба онъ выстраиваетъ на землѣ
длинные—въ аршинъ и болѣе—бесѣдки въ видѣ ша-
лаша, дно и стѣнки котораго состоятъ изъ искусно
переплетенныхъ между собою прутьевъ. Стѣнки бесѣ-
дки заботливо украшаются красивыми стебельками
травы, а полъ выкладывается красивыми камушками
изъ рѣчной гальки, которые располагаются весьма
искусно правильными рядами. При входѣ и выходѣ
изъ бесѣдки складывается по кучѣ особенно выдаю-
щихся драгоценностей: раковинъ, выбѣленныхъ соли-

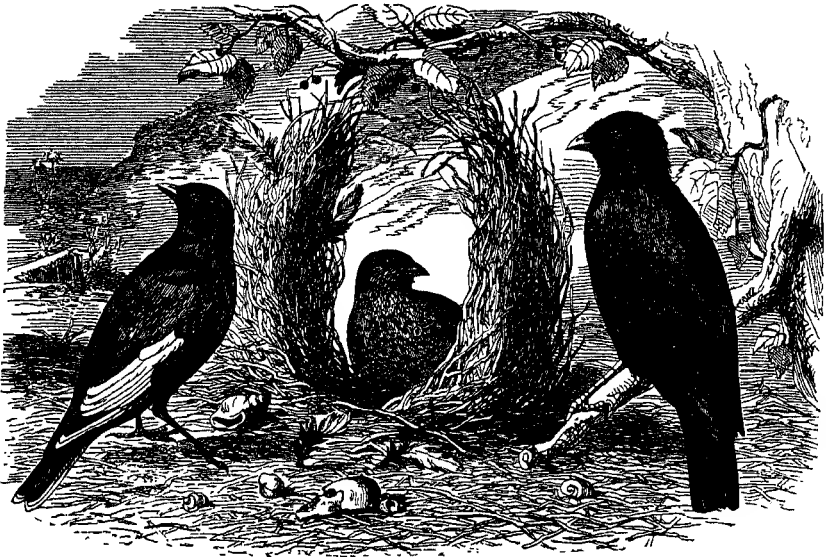

Плещеносецъ.

чемъ череповъ и другихъ костей мелкихъ млекопитающихъ, главнымъ образомъ летучихъ мышей, попадающихъ кое-гдѣ въ scrubъ, пестрыхъ камушковъ, цвѣтныхъ лоскутковъ, похищенныхъ изъ какой-нибудь колоніи, перьевъ и зеленыхъ и красныхъ ягодъ.

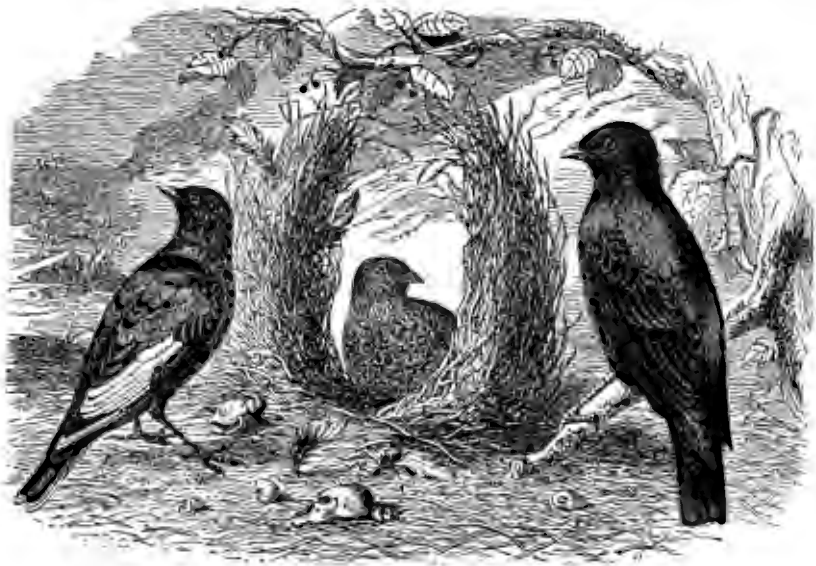
Въ такихъ-то красивыхъ бесѣдкахъ и сходятся птички другъ съ другомъ.

Схожія повадки имѣетъ и другая красивая птица Австраліи—атласный бесѣдочникъ. Перья его глубоко-чернаго цвѣта блестятъ подобно атласу, бархатисто-черныя крылья у концовъ окрашены въ голубой цвѣтъ. Радужина глазъ свѣтло-голубого цвѣта; клювъ также отлиываетъ въ голубоватый цвѣтъ, но самый конецъ его ярко-желтаго цвѣта; ноги красноватыя.

Атласный бесѣдочникъ.

Эти птицы, подобно плащеносцу, устраиваютъ для своего удовольствія бесѣдки, въ которыхъ весело проводить время.

Атласный бесѣдочникъ.

Вотъ какъ описываетъ англійскій путешественникъ Гульдъ эти бесѣдки:

„Прогуливаясь однажды по кедровому лѣсу,—разсказываетъ онъ,—я нашелъ много подобныхъ бесѣдокъ. Онѣ помѣщаются всегда на землѣ, защищенныя густымъ покровомъ древесныхъ вѣтвей, въ глухихъ частяхъ лѣса. Полъ бесѣдки дѣлается изъ плотно сплетенныхъ прутьевъ, такъ же какъ и боковыя стѣнки, на которыя идутъ болѣе гибкіе и тонкіе прутья и вѣточки; концы прутьевъ наверху соединяются. Съ каждой стороны оставляется по входному отверстию. Особенно красивыми эти бесѣдки дѣлаются оттого, что птицы убираютъ ихъ всевозможными предметами яркихъ цвѣтовъ. Вы найдете здѣсь пестро окрашенныя хвостовыя перья различныхъ попугаевъ, раковины, мелкіе камушки, выбѣленные солнцемъ кости и прочее. Перья втыкаются между прутьями, кости и раковины кладутся у входа. Всѣмъ туземцамъ хорошо извѣстна эта страсть птицъ собирать блестящіе предметы, поэтому въ случаѣ какой-либо пропажи они, прежде всего, ищутъ утерянную вещь у бесѣдокъ этихъ птицъ. Однажды я нашелъ при входѣ въ одну изъ подобныхъ бесѣдокъ прекрасно обработанный камень въ 1½ дюйма длины и рядомъ съ нимъ клочки голубой шерстяной матеріи, которые принесены были птицами изъ весьма отдаленнаго поселенія“.

Эти бесѣдки отнюдь не представляютъ гнѣздъ въ собственномъ смыслѣ, а лишь мѣста для пріятнаго препровожденія времени, въ которыхъ птицы заботятся другъ съ другомъ.

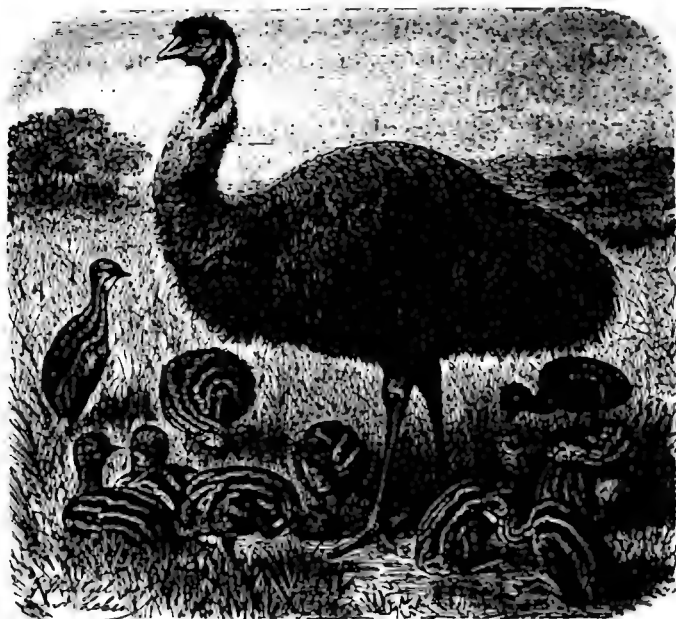
Царемъ всѣхъ птицъ Австраліи является эму, иногда неправильно называемый австралійскимъ страусомъ. Онъ распространенъ по всей Австраліи; въ восточной половинѣ водится одинъ видъ эму, въ западной Австраліи—другой. Такъ какъ эму не преслѣдуется колонистами, да и черные обитатели Австраліи его не трогаютъ, то онъ

далеко не отличается трусливостью. Часто можно видѣть, какъ эти птицы разгуливаютъ между пасущимся скотомъ, не обращая ровно никакого вниманія на проѣзжающаго мимо всадника, если только онъ не подъѣдетъ къ нимъ вплотную. Разъ какъ-то тремъ всадникамъ при выѣздѣ изъ скруба встрѣтились два эму; птицы были не столько испуганы, сколько удивлены неожиданнымъ появленіемъ людей. Всадники спокойно остановили лошадей и стали наблюдать за птицами. Эму сперва нѣкоторое время какъ бы раздумывали, что имъ предпринять, затѣмъ сами смѣло приблизились къ всадникамъ на разстояніе 15 шаговъ и стали съ любопытствомъ ихъ разглядывать.

Яйца эму имѣютъ красивую темно-зеленую шагреновую окраску. Изъ скорлупы ихъ иногда дѣлаютъ сосуды для питья. Такую же, лишь болѣе свѣтлую, окраску имѣютъ яйца казуара, водящагося лишь на самомъ сѣверѣ материка Австраліи и въ Новой Гвинее. Яйца эму употребляются въ пищу: одного яйца хватаетъ, чтобы насытить нѣсколько человѣкъ.

Эму довольно легко приручаются. Земону принесли однажды двухъ молодыхъ птенцовъ эму и они жили у него почти три мѣсяца, какъ домашняя птица. На ночь ихъ загоняли въ небольшую загородку, а днемъ выпускали на свободу; имъ даже и въ голову не приходило убѣгать. Они были такими же ручными, какъ домашнія куры, и ужасно любили играть. Птицы съ пискомъ кружились вокругъ каждаго предмета, возбуждавшаго ихъ вниманіе, хотя бы это были когти, носы и уши собакъ, которыя смотрѣли на нихъ за это весьма косо. Эму устремлялись за всѣмъ, что быстро двигалось, былъ ли это человѣкъ, собака или лошадь, какъ бы желая подобрать, что свалится. Эта странная привычка устремляться за всякимъ быстро двигающимся животнымъ въ высшей степени характерна для ручныхъ эму; она остается и у взрослыхъ. Руч-

ной эму, жившій у одного скваттера, загонялъ чуть ли не до смерти стоявшую въ оградѣ пугливую лошадь; какъ только лошадь прыгала въ сторону отъ птицы, послѣдняя устремлялась вслѣдъ за нею; чѣмъ пугливѣе становилась лошадь, тѣмъ усерднѣе преслѣдовалъ ее длинноногій бѣгунъ, пока, наконецъ, совершенно измученная лошадь не упала на землю. Въ

Э́м у.

концѣ-концовъ, этотъ эму настолько надоѣлъ всѣмъ, что его рѣшили прогнать. Но и этого не удалось сдѣлать, такъ какъ эму каждый разъ возвращался обратно.

Молодые эму сильно отличаются окраской отъ взрослыхъ: они не имѣютъ свойственной послѣднимъ однообразной буровато-сѣрой окраски, а отличаются очень красивымъ опереніемъ: по общему темно-сѣрому фону

О а у.

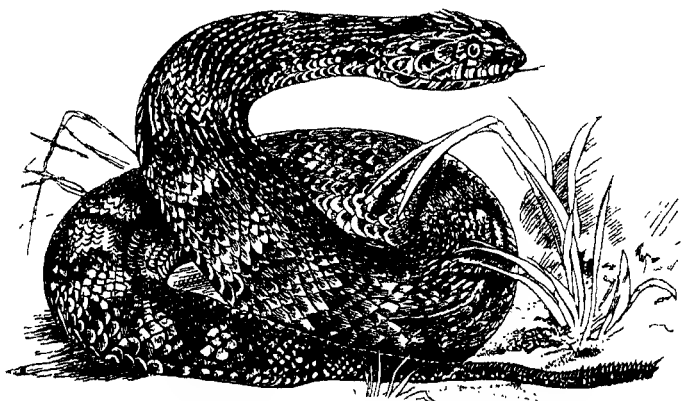
проходить через все тѣло многочисленныя продольныя полосы. Подобною же полосатостью отличаются и молодые казуары. Эта полосатость молодыхъ птицъ приноситъ имъ значительную пользу. Дѣло въ томъ, что молодыхъ птенцовъ ему очень часто таскаютъ орлы и ястреба, распространенные по всей Австраліи. Когда молодой ему замѣчаетъ вьющуюся надъ собою крупную хищную птицу, онъ прижимается плотно къ землѣ. Если бы крупное тѣло молодого ему имѣло одноцвѣтную окраску, то, будучи прижато къ землѣ, особенно среди травяной степи, оно рѣзко бросалось бы въ глаза, какъ бы ни была невзрачна его окраска; пятна и полосы дѣлаютъ птицу менѣе замѣтной. Дѣйствительно, молодого ему очень трудно замѣтить въ травѣ, когда онъ плотно прижимается къ землѣ. Если молодые ему живутъ среди однообразной песчаной почвы, то полосатости обыкновенно у нихъ не замѣчается, такъ какъ въ этомъ случаѣ она могла бы имъ только повредить. Подобное же явленіе наблюдаемъ мы у многихъ другихъ животныхъ. Левъ, который любитъ охотиться въ открытой мѣстности со скудною растительностью, среди обнаженныхъ скалъ и песчаного цвѣта пустынь, имѣетъ однообразную песочную окраску. Напротивъ того, тигръ, предпочитающій держаться среди высокихъ камышей, зарослей бамбука, джунглей, обладаетъ красивою полосатостью. Само собой понятно, что у хищныхъ животныхъ окраска, соответствующая окружающей средѣ, служитъ имъ не для защиты, а помогаетъ имъ незамѣтно подкрадываться къ своей добычѣ или подкарауливать ее лежа на мѣстѣ.

Когда ему вырастетъ, онъ становится слишкомъ крупной и сильной птицей, чтобы бояться какой-нибудь хищной птицы, и охранительная окраска его оперенія исчезаетъ. Безбоязненно разгуливаетъ теперь величественная птица по необъятнымъ, рѣдкимъ лѣ-

самъ своей родины, въ которыхъ не скрывается ни одного животнаго, опаснаго для эму, конечно, если не считать человека.

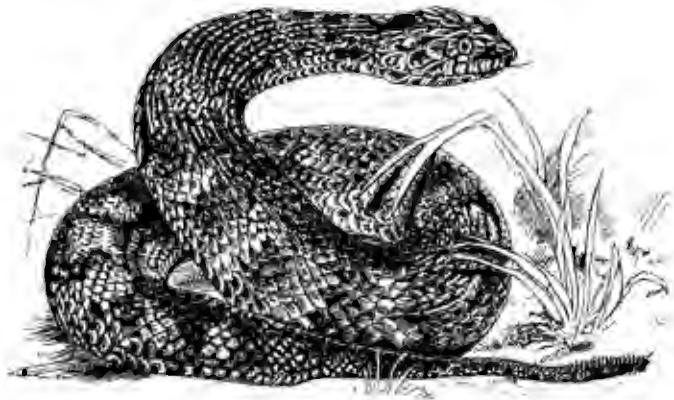
V.

Въ первой половинѣ августа начинаются въ сѣверо-восточной Австраліи обильные дожди, и земля покрывается высокой сочной травой, дающей прекрасный кормъ для скота. Однако туземцы не любятъ этого времени, такъ какъ въ травѣ очень легко можно на-

Иглистая змѣя.

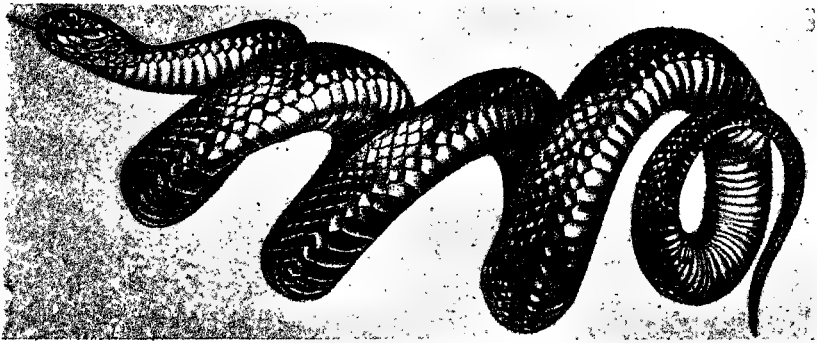
ступить на ядовитую змѣю и быть ею опасно укушеннымъ. Туземцы, вообще, гораздо болѣе страдаютъ отъ укушенія змѣй, нежели европейскіе колонисты. Пробираясь босикомъ, крадучись по травянымъ зарослямъ, они часто наталкиваются на змѣй, которыя, несмотря на свой острый слухъ, часто не слышатъ ихъ приближенія, тогда какъ защищенные обувью ноги европейца, производятъ такой шумъ при наступленіи на траву, что трусливыя змѣи спѣшатъ во-время убраться по добру, по здорову съ дороги. Впрочемъ, зоркій глазъ

Ігlistая змѣя.

туземца часто успѣваегь въ-время замѣтить опаснаго врага. Зато ночью туземцы очень боятся ходить по травѣ.

Это объясняетъ намъ, почему наиболѣе опасными змѣями являются въ Австраліи не самыя ядовитыя изъ нихъ, отличающіяся большою подвижностью, а лѣзвивыя и неповоротливыя, хотя и менѣе ядовитыя, слышавъ приближеніе человѣка, онѣ не трогаются съ мѣста и свирѣпо кусаются, если ихъ неосторожно задѣтъ ногою или наступить на нихъ. Благодаря это-

Черная змѣя.

му, въ Австраліи болѣе боятся менѣе ядовитой иглистой змѣи, неуклюжаго толстаго пресмыкающагося съ усѣянными рядами иголъ хвостомъ, нежели весьма ядовитыхъ черныхъ и бурыхъ змѣй.

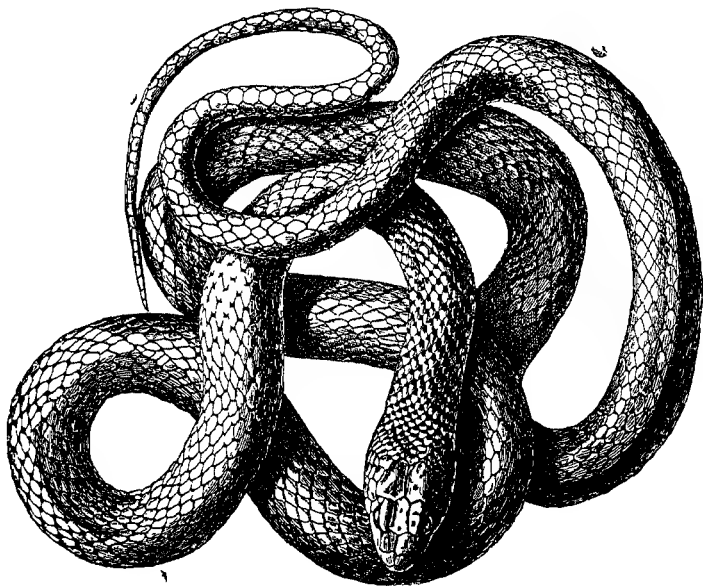
Въ сѣверо-восточной Австраліи вообще водится очень много змѣй и двѣ трети изъ нихъ относятся къ числу ядовитыхъ, хотя среди нихъ нѣтъ ни одной столь страшной, какъ индійская кобра. Несмотря на это, въ Австраліи ежегодно насчитываютъ до 500 случаевъ укушенія змѣями. Конечно, это число ничтожно сравнительно съ 20.000 укушеній змѣями, насчитывающихся каждый годъ въ англійскихъ провинціяхъ Индіи, но не надо забывать, что въ этихъ провинціяхъ

Черная змѣя.

до 120 милліоновъ жителей, тогда какъ въ Австраліи всего три милліона населенія.

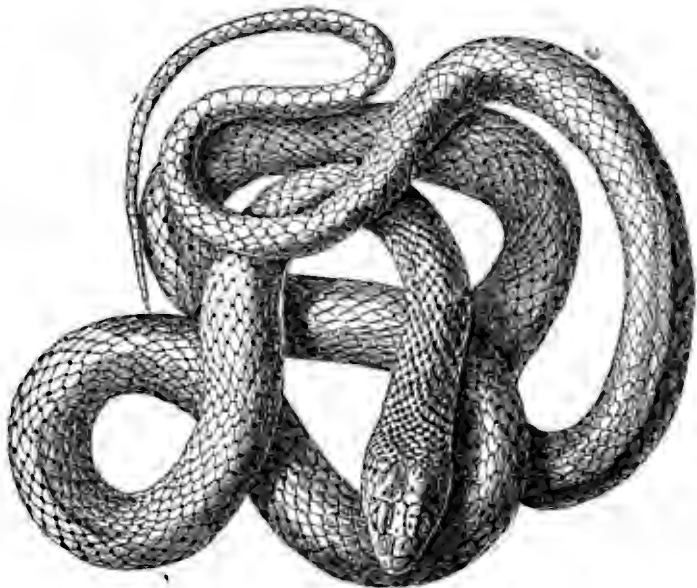
Нерѣдко змѣи появляются въ ближайшихъ окрестностяхъ человѣческаго жилища, въ саду, а бывали случаи, что онѣ забирались и въ самый домъ. Такъ, однажды нашли громадную черную ядовитую змѣю въ кабинетѣ дома; она забралась въ каминъ.

Буряя змѣя.

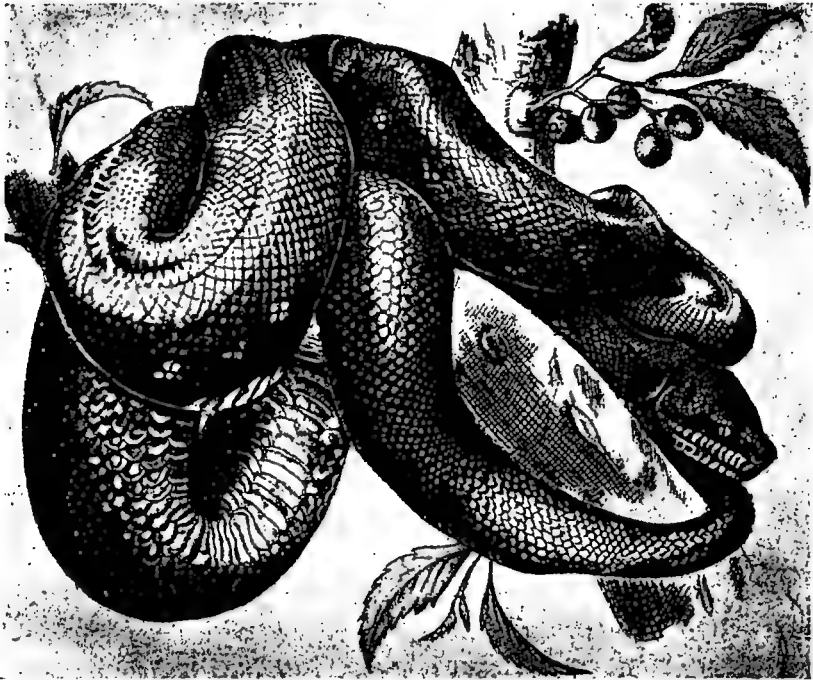
Лучшею защитой жилища отъ змѣй являются кошки: онѣ убиваютъ ихъ ударами лапъ, но никогда не употребляютъ въ пищу. Иногда и собаки рѣшаются нападать на змѣй, но въ большинствѣ случаевъ, рано или поздно, собака становится жертвой змѣи, которая старается укусить ее въ мѣста, непокрытыя шерстью: носъ или губы.

Помимо ядовитыхъ змѣй, въ Австраліи водятся и громадныя удавы. Туземцы отлично знаютъ, что не-

Бурая змѣя.

чего особенно опасаться укушенія этихъ змѣй, и вѣдуть на нихъ дѣятельную охоту, такъ какъ бѣлое мясо австралійскаго „ковроваго удава“ слыветъ у нихъ лакомымъ блюдомъ. Ковровый удавъ ведетъ ночной образъ жизни; пища его состоитъ изъ мелкихъ сумчатыхъ, водяныхъ крысъ и птицъ.

Австралійскій удавъ.

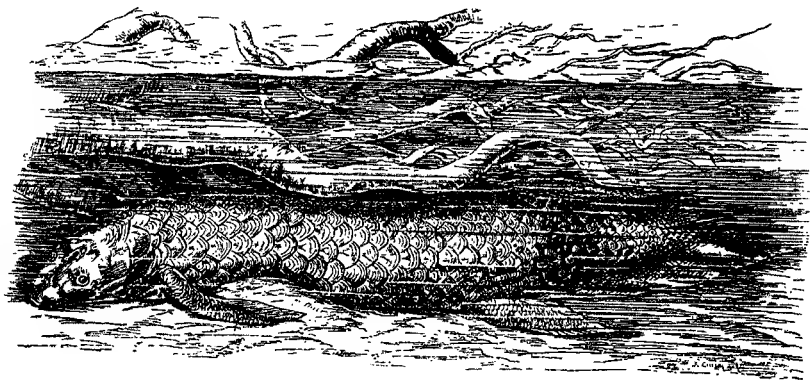
Не мало въ Австраліи и различныхъ ящерицъ; изъ нихъ нѣкоторыя достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ, при нападеніи сильно кусаются и для устрашенія непріятеля приподнимаютъ въ видѣ воротника складку на шеѣ. Игуаны, доходящія въ длину до одного метра; вараны, при малѣйшей опасности забавно собирающіяся на стволы эвкалиптовыхъ деревьевъ; вода-

Австралійській удавь

ныя игуаны, любящія сидѣть на вѣтвяхъ прибрежныхъ деревьевъ и съ шумомъ шлепающіяся въ воду при приближеніи человѣка,—таковы наиболѣе замѣчательные представители австралійскихъ ящерицъ.

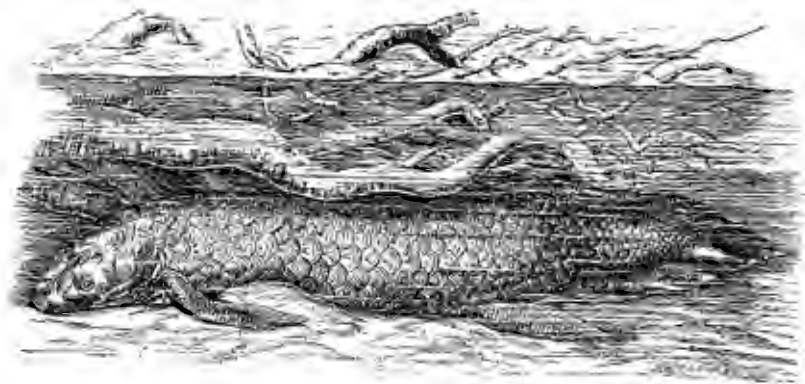
Среди многочисленныхъ рыбъ, населяющихъ прѣсныя воды Австраліи, особенно замѣчательна одна, такъ называемый рогозубъ. Эта странная рыба была открыта въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитымъ путешественникомъ Форстеромъ; въ настоящее время она водится только въ двухъ небольшихъ рѣчкахъ восточной Австраліи, Бернэттъ и Мэри. Однако изслѣдованія ученыхъ показали, что въ прежнее время эта рыба была

Р о г о з у б ъ.

распространена не только по всей Австраліи, но встрѣчалась также въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ,—словомъ, была распространена по всему земному шару. На это указываетъ нахожденіе въ толщахъ земной коры остатковъ зубовъ этихъ животныхъ.

По своему внѣшнему виду и желтому цвѣту мяса рогозубъ напоминаетъ лосося, но тѣло его покрыто весьма крупной кругловатой чешуей, точно такъ же какъ и двѣ пары длинныхъ плавниковъ, имѣющихъ не плоскую, какъ у рыбъ, форму; напротивъ того, конечности рогозуба имѣютъ видъ удлиненныхъ, узкихъ, приострен-

Р о г о з у б ъ.

ныхъ къ концу придатковъ. Самая замѣчательная особенность рогозуба заключается въ томъ, что, кромѣ обыкновенныхъ жабръ, свойственныхъ каждой рыбѣ, онъ имѣетъ внутри тѣла одно большое легкое, открывающееся въ глотку. Это легкое соотвѣтствуетъ плавательному пузырю другихъ рыбъ, изъ котораго оно, повидимому, и образовалось.

Подобныя же рыбы встрѣчаются и въ Африкѣ; ихъ вмѣстѣ съ рогозубомъ называютъ „легочными рыбами“, или „двойнодышащими“, потому что онѣ дышатъ не только жабрами, какъ всѣ прочія рыбы, но и плавающимъ пузыремъ, преобразованнымъ у нихъ въ легкое. Такимъ образомъ рогозубъ представляетъ животное, которое, какъ бы на нашихъ глазахъ, превращается изъ рыбы въ земноводное, подобное тритону, лягушкѣ и жабѣ. Всѣ послѣднія животныя въ своемъ молодомъ состояніи также напоминаютъ рыбъ: имѣютъ рыбообразную форму и дышатъ жабрами, которыя потомъ исчезаютъ и замѣняются легкими. У рогозуба же и легкія и жабры существуютъ одновременно. Это—рѣдкій примѣръ одновременнаго существованія у животного двухъ совершенно различныхъ органовъ, имѣющихъ однако совершенно одинаковое назначеніе.

У легочной рыбы тропической Африки значеніе легкихъ вполне понятно. Уже давно было извѣстно, что въ сухое время года эта рыба закапывается въ иль, окружая себя кокономъ, сдѣланнымъ изъ собственной слизи, смѣшанной съ иломъ. Окруживъ себя подобнымъ кокономъ, рыба не боится быть изсушенной жгучими лучами тропическаго солнца; она впадаетъ въ „лѣтнюю спячку“, спокойно дожидаясь, пока наступитъ дождливое время года и тропическіе ливни растворятъ коконъ и освободятъ ее изъ временнаго заключенія. Само собой понятно, что, находясь внутри своего кокона, африканскія легочныя рыбы не въ состояніи дышать жабрами, а дышать своимъ легкимъ;

не будь этого органа воздушнаго дыханія, животное ожидала бы неминуемая смерть.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ надъ образомъ жизни африканской легочной рыбы, прежде думали, что и ея австралійскій собратъ ведетъ подобную же жизнь, тѣмъ болѣе, что австралійскія рѣки на лѣто также значительно мельчаютъ, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ пересыхаютъ. Оказалось однако же, что австралійскій рогозубъ не впадаетъ въ лѣтнюю спячку, и не окружаетъ себя кокономъ, а круглый годъ проводитъ въ водѣ, гдѣ его можно поймать во всякое время года сѣтью или просто удочкой, такъ какъ онъ охотно идетъ на приманку.

Спрашивается, зачѣмъ же нужно рогозубу ого объемистое легкое? А въ томъ, что рогозубъ дѣйствительно пользуется своимъ легкимъ, какъ органомъ дыханія, не трудно убѣдиться. Въ тѣхъ мѣстахъ рѣки, гдѣ держится рыба, черезъ правильные промежутки времени можно слышать глухое протяжное урчанье. Эти звуки издаетъ рогозубъ, который время отъ времени поднимается на поверхность, чтобы выпустить испорченный воздухъ изъ своего легкаго и наполнить его свѣжимъ.

Но на ряду съ легочнымъ дыханіемъ рогозубъ, подобно рыбамъ, дышитъ жабрами; если ему приходится быть продолжительное время внѣ воды, то его жабры ссыхаются и онъ умираетъ. Несмотря на это, легочное дыханіе имѣетъ большое значеніе для этой рыбы, именно въ сухое время года, когда рѣка на значительномъ протяженіи высыхаетъ и остается только нѣсколько глубокихъ бочаговъ, въ которыхъ скучивается все население рѣки. Понятно, что вода въ этихъ колдобинахъ быстро портится и какъ животныя, такъ и растенія гибнутъ массами, еще болѣе заражая воздухъ.

Вотъ въ это-то время рогозубу и оказываетъ пользу его легкое. Въ то время какъ остальная рыба мретъ

массами, находящиеся въ той же водѣ рогозубы чувствуютъ себя прекрасно въ этомъ гниломъ омутѣ.

Между тѣмъ какъ рогозубъ держится въ колдобинахъ рѣки съ медленнымъ тихимъ теченіемъ и богатою растительностью, другой обитатель австралійскихъ рѣкъ предпочитаетъ мелкіе песчаные каменистые участки съ очень быстрымъ теченіемъ. Если всматриваться внимательно въ дно подобныхъ участковъ, то можно замѣтить на немъ многочисленныя свѣтлыя кольца около полутора аршинъ въ поперечникѣ. Иногда внутри такого кольца видна и рыба, озабоченно снующая взадъ и впередъ, занятая какой-то важной работой. Внимательное изслѣдованіе подобнаго кольца показываетъ, что съ него, во всю его ширину, около четверти аршина, удалены всѣ крупные и мелкіе камушки, и тщательно сложены внутри круга, охватываемаго кольцомъ. Такимъ образомъ свѣтлая окраска кольца происходитъ отъ того, что здѣсь сняты всѣ камешки и остался лишь ярко-бѣлый песокъ рѣчного дна. Самое кольцо не представляетъ ничего замѣчательнаго, зато сложенные внутри его камни заслуживаютъ вниманія. Всякій опытный путешественникъ по Австраліи, найдя подобныя кольца, сейчасъ же догадается, что имѣетъ дѣло съ постройками австралійской рыбы изъ породы сомовъ, которую колонисты называютъ „жидъ-рыба“, а черные туземцы—„болла“.

Въ эти гнѣзда болла откладываетъ свои яйца. Верхъ гнѣзда образованъ изъ нѣсколькихъ слоевъ крупныхъ камней, далѣе слѣдуютъ мелкіе камешки, перемежаемые съ крупнымъ рѣчнымъ пескомъ; подъ ними—обычное русло рѣки.

Сколько ни всматриваться съ берега черезъ слой быстро текущей воды въ слои гнѣзда, яицъ рыбы нельзя замѣтить. Чтобы добыть ихъ, надо разобрать верхній слой камней и, собравъ лежащій подъ нимъ слой крупнаго песку, промыть его на рѣшетѣ, въ которомъ и

останутся многочисленныя мелкія икринки рыбы; каждая икринка имѣтъ не болѣе 3 мм. въ поперечникѣ и заключена въ тонкую оболочку.

При постройкѣ гнѣзда рыба поступаетъ слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего она сгребаеъ въ кучу около трехъ четвертей аршина песокъ и мелкіе камешки со дна рѣки и откладываетъ на нихъ икру, а затѣмъ покрываетъ ее нѣсколькими слоями крупныхъ камней. Очевидно, рыба это дѣлаеъ для того, чтобы икра не была унесена потокомъ воды и чтобы ею не могли полакомиться различныя водяныя птицы и мелкія хищныя рыбы. Материаломъ для гнѣзда служить то свѣтлое кольцо, которое очищается вплоть до песка отъ всѣхъ камней. Нельзя достаточно надивиться на аккуратность работы, въ особенности, — на совершенно правильную форму кольца. Крупные камни рыба передвигаетъ по дну при помощи хвоста.

Вся постройка такимъ образомъ представляетъ въ высшей степени остроумное сооруженіе: икра прекрасно защищена отъ враговъ, а быстрое теченіе не престанно обновляетъ вокругъ нея воду.

Вообще, рыбы не принадлежатъ къ числу чадолубивыхъ родителей, и постройка особенныхъ гнѣздъ для вывода икры является у нихъ рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ, существуетъ другой видъ сома, который строитъ себѣ правильныя шаровидныя гнѣзда изъ стеблей травы; наша обыкновенная колюшка тщательно охраняетъ и геройски защищаетъ свое гнѣздо, сдѣланное изъ корней и стеблей водяныхъ растений.

Описанный нами австралійскій сомъ также не довольствуется одной рачительной постройкой гнѣзда: можно почти постоянно видѣть самую рыбу, плавающую внутри гнѣзда, лишь съ неохотой удаляющуюся при приближеніи челоуѣка. Оружіемъ рыбы служатъ сильныя колючки на ея грудныхъ плавникахъ.

Гораздо сильнѣе вооруженъ другой австралійскій сомъ, слывшій у бѣлыхъ жителей Австраліи подъ именемъ „рыбы-кошки“; черные туземцы называютъ его „гидири“. Въ каждомъ грудномъ плавникѣ этой рыбы находится по крупной иглѣ, снабженной направленными назадъ острыми выростами; эту иглу рыба можетъ выпрямлять и при помощи особаго приспособленія закрѣплять въ такомъ боевомъ положеніи. Другая подобная же игла находится въ спинномъ плавникѣ. Раны, нанесенныя этими иглами, не только весьма болѣзненны, но могутъ быть даже весьма опасными, такъ какъ вызываютъ сильное воспаленіе и опухоль. Повидимому, это происходитъ отъ того, что въ рану попадаетъ ядовитая слизь, въ изобиліи покрывающая все тѣло рыбы. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ настоящее время мы знаемъ, что у береговъ центральной Америки водятся даже такія рыбы, которыя обладаютъ иглами, наполненными внутри ядовитою жидкостью, происходящею изъ особой ядоотдѣлительной железы. Подобный аппаратъ представляетъ такимъ образомъ близкое сходство съ ядоотдѣлительнымъ аппаратомъ змѣй.

V.

Къ сѣверу отъ материка Австраліи находится громадный островъ Новая Гвинея, отдѣленный отъ материка мелководнымъ моремъ Арафура и Торресовымъ проливомъ, усѣяннымъ опасными рифами. Новая Гвинея — второй по величинѣ (послѣ Гренландіи) островъ земного шара — имѣетъ въ длину болѣе 2.000 верстъ. Растительный и животный міръ Новой Гвинеи имѣетъ очень много сходныхъ чертъ съ флорой и фауной материка Австраліи. По всей вѣроятности, Новая Гвинея составляла пѣкогда одинъ материкъ съ Австра-

лей; въ пользу этого предположенія говорить также мелководье Арафурскаго моря и присутствіе въ немъ многихъ острововъ (Ару и др.).

Климатъ Новой Гвинеи составляетъ рѣзкій контрастъ съ климатомъ материка Австраліи. Сырой и знойный, онъ дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ на человѣка, и европейцы въ теченіе лѣта дѣлаются неспособными къ постоянному труду. Кромѣ того, здѣсь постоянно свирѣпствуетъ жестокая лихорадка. Впрочемъ, въ послѣднее время, вмѣстѣ съ увеличеніемъ площади разрабатываемой земли, лихорадочность климата въ значительной степени ослабѣла. Въ сухое время года климатъ Новой Гвинеи сравнительно здоровъ, но въ дождливый сезонъ много европейцевъ умираютъ отъ лихорадки. Особенно вреденъ климатъ побережья даже и для туземцевъ; въ возвышенныхъ мѣстахъ климатъ несравненно болѣе здоровый. За исключеніемъ небольшихъ площадей, очищенныхъ отъ лѣса дикарями, весь островъ покрытъ дремучими лѣсами. Многія изъ новогвинейскихъ деревьевъ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ; кедръ, каучуковое и сандаловое дерево представляютъ прекрасный строительный матеріалъ, вывозимый въ Европу.

Животный міръ Новой Гвинеи, какъ мы уже сказали, имѣетъ много сходныхъ чертъ съ животнымъ населеніемъ Австраліи. Изъ высшихъ млекопитающихъ мы встрѣчаемъ здѣсь папуасскую свинью какъ въ дикомъ, такъ и домашнемъ состояніи, летучую собаку, динго и цѣлый рядъ сумчатыхъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ къ тѣмъ же видамъ, какъ и водящіяся на материкѣ Австраліи, другія же представляютъ совершенно особыя виды. Къ числу послѣднихъ относится кенгуровый медвѣдь, крупное животное около $1\frac{1}{2}$ аршина въ длину, при чемъ болѣе половины приходится на долю хвоста. Это кенгуру особенно замѣчательно тѣмъ, что, въ противоположность своимъ сородичамъ, жи-

ветъ, подобно бѣлкѣ, на деревьяхъ, съ большою ловкостью перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку. Удивительно, какимъ образомъ это животное, все строеніе тѣла котораго приурочено къ жизни на открытой равнинѣ, могло такъ легко приспособиться къ лазанію по деревьямъ. Впрочемъ, кенгуровый медвѣдь передвигается иначе по деревьямъ, нежели другія живущія на деревьяхъ животныя: на низкія деревья онъ вскакиваетъ однимъ прыжкомъ, затѣмъ углубляется въ чащу вѣтвей, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку. На стволы высокихъ деревьевъ животное взбирается также легко, цѣпляясь за кору острыми когтями переднихъ ногъ и сильно упираясь задними ногами. По развѣтвленіямъ дерева животное передвигается прыжками. Необычайно странно видѣть кенгуру, прыгающее по вершинамъ первобытнаго лѣса. Это кенгуру встрѣчается также и на сѣверномъ берегу Австраліи.

Весьма обыкновенны на Новой Гвинее сумчатые летяги, относящіеся къ особой папуасской разновидности. Пальчатое кенгуру также принадлежитъ къ немногимъ сумчатымъ, одинаково часто встрѣчающимся по обѣ стороны Торрессова пролива. Пальчатое кенгуру представляетъ переходъ отъ типичныхъ летягъ къ опоссумамъ: летательная перепонка у него гораздо менѣе развита, нежели у типичныхъ летягъ. Животное обитаетъ на деревьяхъ дремучихъ лѣсовъ и питается преимущественно насѣкомыми, особенно муравьями. Между тѣмъ настоящія летяги предпочитаютъ растительную пищу, хотя также не брезгаютъ насѣкомыми, яйцами и мелкими птичками.

Среди обитающихъ на деревьяхъ сумчатыхъ интересна маленькая съ очень красивой окраской шерсти злѣючка. Свое названіе этотъ маленькій звѣрекъ получилъ за свою необычайную злобу. Когда его посадили въ одинъ ящикъ съ нѣсколькими летягами, то онъ сейчасъ же бросился на нихъ, какъ бы видя въ нихъ

виновниковъ своего заточенія, и нанести имъ опасныя раны, отъ которыхъ одно изъ животныхъ умерло. Маленькій звѣрекъ отличался необычайной злобой, предпочитая, подобно древнему римлянину, смерть заточенію. Когда животному хотѣли положить ваты для гнѣзда, оно укусило ухаживавшаго за нимъ человѣка за руку.

Пальчатое кенгуру.

Напротивъ того, летяги отличаются кротостью и нѣкоторыя изъ нихъ легко привыкаютъ къ человѣку. Окраска летягъ очень разнообразна. На нижней сторонѣ тѣла шерсть снѣжно-бѣлаго цвѣта, тогда какъ сверху она или однообразнаго бураго цвѣта, или усѣяна черными и красными пятнами.

Пальчатое кенгуру.

Изъ другихъ сумчатыхъ въ Новой Гвинееѣ водятся два вида куску. Куску представляетъ изъ себя близкихъ родичей австралійскихъ опоссумовъ, отличаясь отъ нихъ болѣе неуклюжимъ строеніемъ тѣла, вертикальнымъ разрѣзомъ вѣкъ и бородавчатымъ, цѣпкимъ, обнаженнымъ на концѣ хвостомъ. Куску живутъ въ Новой Гвинееѣ, архипелагѣ Бисмарка, Соломоновыхъ островахъ, на островахъ Молукскихъ и Целебесѣ. Окраска куску очень измѣнчива: среди нихъ встрѣчаются сѣрые, желтоватыя и почти совершенно бѣлыя особи; окраска — иногда одноцвѣтная, иногда же мѣхъ испещренъ красными, бурыми и черными пятнами. Большинство куску отличаются злобнымъ характеромъ, сильно кусаются и паразитуются.

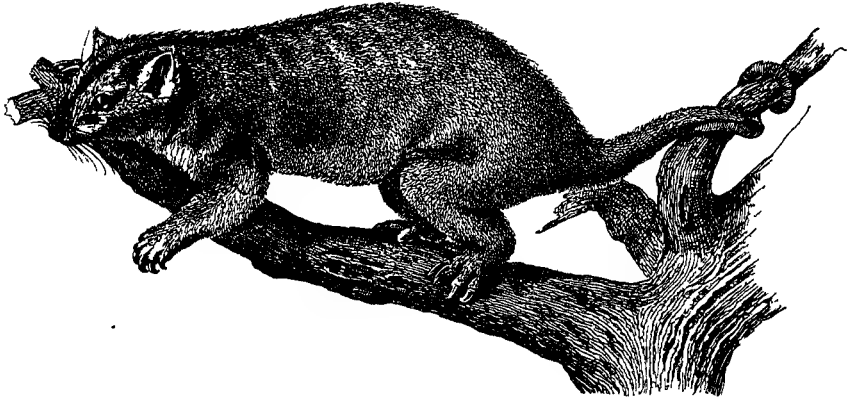
З л ю ч к а .

Такимъ образомъ міръ звѣрей Новой Гвинееи довольно бѣденъ. Напротивъ того, птичье населеніе острова поражаетъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Изъ двухъ съ половиною сотенъ видовъ птицъ

З. ч. о. ч. к. л.

шестьдесятъ видовъ принадлежать исключительно этому острову и нигдѣ болѣе не встрѣчаются. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы такого богатаго, разнообразно окрашеннаго оперенія, какъ у птицъ Новой Гвиней.

К у с к у.

На первомъ планѣ здѣсь, конечно, надо поставить знаменитую райскую птицу. Трудно повѣрить, что райская птица относится къ тому же семейству, какъ и нашъ обыкновенный воронъ съ его мрачнымъ одѣянiемъ. Долгое время чучела райскихъ птицъ привозились въ Европу безъ ногъ, вслѣдствiе чего явилось даже предположенiе, что у этихъ птицъ ногъ не имѣется вовсе. Происходя изъ рая, эти воздушныя сильфиды имѣютъ своей родиной воздушное море, въ которомъ пребываютъ непрестанно и отдыхаютъ лишь нѣсколько мгновенiй, упираясь своими длинными нитевидными хвостовыми перьями о вѣтви деревьевъ. Какъ существа высшаго порядка, онѣ были избавлены отъ необходимости прикасаться къ грѣшной землѣ; эфирная утренняя роса составляла ихъ пищу. Желая увѣковѣчить эту поэтическую сагу, Линней назвалъ одинъ изъ видовъ райской птицы безногой ¹⁾. У самцовъ райскихъ птицъ

¹⁾ *Paradisea apoda* L.

К у с к у

имѣются пучки длинныхъ расщепленныхъ перьевъ, которыя птица по желанію можетъ прятать подъ крыло и снова выбрасывать. Въ настоящее время извѣстно болѣе двадцати видовъ райскихъ птицъ; изъ нихъ самая красивая красная, черная и безногая райская птица.

Всѣ райскія птицы—коренные обитатели лѣса. Отъ вороновъ онѣ отличаются строеніемъ своихъ ногъ, но, ко-

Красная райская птица.

нечно, самымъ рѣзкимъ отличіемъ является ихъ фантастическое опереніе. У самаго крупнаго вида перья на туловищѣ, крыльяхъ и хвостѣ имѣютъ роскошную кофейно-бурюю окраску, принимающую на груди темно-фіолетовый или пурпуровый оттѣнокъ. Голова и затылокъ соломенно-желтаго цвѣта; перья здѣсь короткія и плотно прилегаютъ одно къ другому, такъ что напоминаютъ плюшъ или бархатъ; горло снизу до глаза покрыто чешуйчатыми перьями изумрудно-зеленаго цвѣта съ роскошнымъ металлическимъ блескомъ; бар-

Красная райская птица.

хатистыя перья еще болѣе темно-зеленаго цвѣта образуютъ боковую полосу на головѣ, простирающуюся до глазъ, окрашенныхъ въ ярко-желтый цвѣтъ. Клювъ окрашенъ въ голубой цвѣтъ, ноги — въ розовый. Два среднихъ хвостовыхъ пера не имѣютъ опахала, образуя длинныя жгуты, спускающіеся внизъ изящно изогнутою линіей, и достигаютъ до 34 дюймовъ длины. Съ каждой стороны тѣла отходить по густому пучку длинныхъ, нѣжныхъ перьевъ, достигающихъ до двухъ футовъ въ длину, яркой, золотисто-оранжевой окраски, необычайно блестящихъ, но постепенно мѣняющихся къ концамъ въ свѣтло-бурый цвѣтъ. Эти пучки перьевъ птица можетъ по желанію опускать и подымать, — въ нихъ совершенно тонетъ остальное тѣло птицы. Описанное роскошное опереніе свойственно однако же исключительно самцу, между тѣмъ какъ наружность самки не представляетъ ничего особеннаго.

Желая произвести наблюденіе надъ райскими птицами, нѣмецкій путешественникъ Земонъ на легкомъ челнокѣ поднялся по одной изъ рѣкъ Новой Гвинеи въ глубину тропическаго лѣса. Трудно представить что-нибудь роскошнѣе первобытнаго тропическаго лѣса Новой Гвинеи. Густолиственные пальмы Ниппа склонялись до самой воды, по обѣимъ сторонамъ берега высоко подымали къ небу свои вершины исполинскія деревья, и каждое изъ нихъ было населено цѣлымъ міромъ лазающихъ и вьющихся растеній; плауны свѣшивали съ дерева гирляндами свои стебли навстрѣчу чужезднымъ папоротникамъ и орхидеямъ. Лѣсъ кишмя-кишѣлъ птицами, которыя оглашали его чашу въ теченіе цѣлаго дня своими разнообразными криками. На берегу рѣки стояли отдѣльными экземплярами громадныя деревья, увѣшанныя сверху донизу крупными и яркими красивыми цвѣтами. Эти цвѣты привлекли къ себѣ вниманіе кисточко-языковыхъ попугаевъ; цѣлыя стада ихъ носились около, добывая себѣ нектаръ

изъ цвѣточныхъ чашечекъ и оглашая воздухъ своими задорными криками. Съ вершины высокихъ деревьевъ доносились крики бѣлыхъ и черныхъ какаду; зимородокъ быстрѣ стрѣлы носился надъ водною поверхностью. Кромѣ зимородковъ, питающихся рыбою и другими водяными животными, здѣсь встрѣчается еще близкая къ нимъ птица, значительно превосходящая ихъ своею красотой. Опереніе этой птицы отлиываетъ всѣми оттѣнками ярко-голубого цвѣта и на этомъ фонѣ рѣзко вырисовывается снѣжно-бѣлый исподъ тѣла и кораллово-красный клювъ. Два срединныхъ хвостовыхъ пера отличаются необычайною длиной и на концѣ лопатообразно расширены. Эта птица питается уже не водяными животными, а насѣкомыми—наземными слизняками, на которые она бросается сверху, усѣвшись предварительно на какойнибудь голой вѣткѣ.

Въ лѣсу постоянно слышно воркованье и хлопанье крыльевъ плодоядныхъ голубей, прячущихся въ вѣтвяхъ плодовыхъ лѣсныхъ деревьевъ. Многіе изъ этихъ голубей не уступаютъ по пестротѣ и великолѣпію своего оперенія самымъ красивымъ попугаямъ. Австралійская область по количеству водящихся въ ней видовъ голубей и необычайно яркой окраскѣ ихъ превосходитъ всѣ остальные области земного шара. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что, вообще говоря, голубямъ свойственно невзрачное однообразное опереніе. Яркость оперенія австралійскихъ голубей объясняется тѣмъ, что въ австралійской области совершенно нѣтъ обезьянъ, лемуровъ, кошекъ, тибетныхъ кошекъ и кунницъ, которыя охотятся за яйцами и птенцами. Всѣ эти животныя были бы особенно опасны для семейства голубиныхъ, представители котораго отличаются полною беззащитностью и къ тому же дѣлаютъ очень плохія гнѣзда.

Въ Новой Гвинее живуть не только самые пестрые, но въ то же самое время самые крупные и удивитель-

ные голуби. Это такъ называемые коронные или гура-голуби, достигающіе величины гуся. На головѣ у нихъ имѣется хохолокъ, который можетъ раскрываться наподобіе вѣера. Трудно представить себѣ болѣе изящное украшеніе для головы, нежели этотъ развертывающійся хохолокъ, состоящій изъ нѣжныхъ, расширенныхъ на концѣ перьевъ. Коронные голуби попадаютъ довольно часто въ Новой Гвинее. Днемъ они держатся преимущественно на землѣ, питаюсь свалившимися плодами. Если ихъ спугнуть, они садятся на ближайшее дерево, почему охотиться за ними очень нетрудно.

Въ лѣсу повсюду раздавались крики райскихъ птицъ. Многочисленные какаду перелетали съ дерева на дерево. Трудно представить себѣ какое-либо другое мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ бы одновременно можно было наблюдать столь пышную растительность и столь богатую животную жизнь.

Увидѣть райскую птицу далеко не такъ легко, какъ это можно думать, судя по ея яркому оперенію. Обыкновенно онѣ сидятъ высоко на деревьяхъ среди густой чащи листьевъ, чрезъ которые съ трудомъ проникаетъ дневной свѣтъ. Впрочемъ, поиски райской птицы въ значительной степени облегчаются ея необычайно подвижнымъ характеромъ: она безпрестанно кричить, о чемъ-то хлопочетъ, перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, не оставаясь ни секунды въ покоѣ. Не надо быть натуралистомъ, чтобы придти въ нѣмой восторгъ, любуясь на эту великолѣпную птицу среди ея родной обстановки. По красотѣ райская птица превосходитъ всѣ другія созданія земли. Если нѣкоторые колибри и могутъ сравняться по пестротѣ своей окраски и ея металлическому блеску съ райской птицей, то они не только уступаютъ ей по своей величинѣ, но и по тому удивительно фантастическому наряду изъ перьевъ на хохолкѣ, воротникѣ, своеобразно удлинненнымъ перьямъ

крина и цѣлому каскаду золотистыхъ перьевъ, которыя свѣшиваются внизъ съ хвоста птицы. Каждый видъ райской птицы имѣетъ свою, ему только свой-

Хохлатые голуби Новой Гвинеи.

ственную, форму и окраску этихъ фантастическихъ придатковъ, каждый видъ представляетъ свое новое чудо. Въ окраскѣ, расположеніи и очертаніяхъ всѣхъ этихъ придатковъ—бездна вкуса и фантазій... Еще бо-

Хохлагы голуби Новой Гвиней.

лѣе привлекаетъ къ себѣ птица своимъ веселымъ, симпатичнымъ характеромъ; она какъ бы сама не наслабуется на свою красоту, постоянно то складываетъ, то снова распускаетъ свои перья, не оставаясь неподвижной и напыщенной, подобно чваному и надменному павлину.

Райская птица—въ полномъ смыслѣ слова дитя Новой Гвинеи и водится только на этомъ островѣ. Подобно колибри, райскія птицы питаются нектаромъ цвѣтовъ на деревьяхъ, а также плодами и насѣкомыми, за которыми онѣ охотятся, ловко перелетая съ вѣтки на вѣтку. Замѣтивъ охотника, онѣ обыкновенно не улетаютъ, а лишь стараются забраться поглубже въ чащу листьевъ.

Какъ могла развиться эта красивѣйшая изъ всѣхъ птицъ, имѣя исходнымъ прообразомъ невзрачнаго ворона, берушаго не столько красотой, сколько умомъ? Здѣсь дѣйствовала та же причина, что и при образованіи красивыхъ видовъ голубей, именно полное отсутствіе хищныхъ звѣрей въ Новой Гвинее.

Туземцы Новой Гвинеи усердно охотятся за райской птицей, пользуясь ея перьями какъ головнымъ украшеніемъ. Изъ сѣверо-западной Гвинеи шкурки этой птицы отправляются для продажи въ Европу. Европейскія дамы употребляютъ эти перья съ тою же цѣлью, какъ и папуасы. Дикари замѣчаютъ тѣ деревья, на которыхъ собираются райскія птицы при восходѣ и заходѣ солнца. Взобравшись на такое дерево, дикарь прячется въ его вѣтвяхъ и терпѣливо дожидается прилета птицъ. Нѣсколько мѣтко пущенныхъ стрѣлъ доставляетъ въ его распоряженіе цѣлый рядъ птицъ прежде, нежели остальные замѣтятъ опасность и улетятъ съ негостепріимнаго дерева.

Самый крупный изъ попугаевъ, водящихся въ Новой Гвинее,—черный какаду. Птица вооружена мощнымъ клювомъ, съ помощью котораго она безъ труда раска-

лыгаетъ каменистыя оболочки орѣховъ канари и плодовъ другихъ тропическихъ деревьевъ. Этотъ клювъ служитъ одновременно птицѣ, какъ пила, сверло и щипцы, а длиннымъ, способнымъ вытягиваться языкомъ, снабженнымъ на концѣ роговымъ утолщеніемъ, птица пользуется для того, чтобы вынимать мякоть плода изъ оболочки. Этотъ какаду, въ противоположность своимъ бѣлымъ сородичамъ, живетъ уединенно или парами и никогда не собирается въ большія сообщества.

Птица носорогъ (Малайскій архинелагъ).

Весьма часто попадаетъ въ Новой Гвинеей носорогъ-птица. У гвинейскаго носорога нѣтъ настоящаго рога на клювѣ, подобно его сородичамъ Малайскаго архипе-

Ивава нанапуа (Mazusculia nana).

лага, а имѣется лишь сверху клюва роговое утолщеніе, покрытое поперечными складками. О присутствіи въ лѣсу птицы-носорога можно узнать по своеобразному шуму въ воздухѣ, который производитъ эта тяжелая и неуклюжая птица при полетѣ. Этотъ шумъ слышенъ на большомъ разстояніи, онъ гораздо явственнѣе шума, производимаго при полетѣ пеликаномъ или лебедемъ. Одно время думали даже объяснить происхожденіе этого шума особыми причинами, но, по всей вѣроятности, все дѣло здѣсь въ особомъ строеніи крыла.

Клювъ гвинейской носорогъ-птицы.

Очень интересно гнѣздованіе этой птицы. Она дѣлаетъ свое гнѣздо въ дуплахъ деревьевъ на значительной высотѣ надъ землею. Послѣ того, какъ самка отложила яйца, самецъ замазываетъ входъ въ гнѣздо, оставляя въ немъ лишь маленькое отверстіе, чрезъ которое самка можетъ просовывать свой

клювъ, чтобы брать пищу, приносимую ей самцомъ.

Какъ сложилась у птицы такая странная повадка? Невольно напрашивается предположеніе, что птица замазываетъ входъ въ гнѣздо для того, чтобы защитить птенцовъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей-древолазовъ. Тогда становится понятнымъ и присутствіе рога на клювѣ птицы, который защищаетъ ее, подобно шлему, мѣшая хищнику ударами когтей чрезъ открытое отверстіе повредить самкѣ. На это можно возразить, что вѣдь въ Новой Гвинее нѣтъ подобныхъ хищниковъ. Конечно, это возраженіе было бы вполне основательнымъ, если бы распространеніе птицъ-но-

Клювъ гвинейской посорогъ-птицы.

Носорогъ-птица въ гвѣздѣ

сороговъ ограничивалось однимъ этимъ островомъ. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Птицы-носороги водятся повсюду въ Индіи и на Зондскихъ островахъ; въ этихъ мѣстностяхъ хищные древолазы встрѣчаются въ изобиліи, и неуклюжей птицѣ было очень важно защитить отъ нихъ себя и своихъ безпомощныхъ птенцовъ. По всей вѣроятности, семейство этихъ птицъ явилось въ Новую Гвинею изъ Индіи, сохранивъ на своей новой родинѣ прежніе обычаи гнѣздованія, хотя здѣсь они уже не имѣютъ своего значенія. Замѣчательно однако же, что у ново-гвинейской птицы-носорога роговой шлемъ несравненно менѣе развитъ, нежели у родственнаго ему вида въ Индіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многочисленные острова Торрессова пролива представляютъ изъ себя остатки существовавшаго здѣсь нѣкогда сухопутнаго соединенія между Австраліей и Новой Гвинеей. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ проливъ имѣетъ всего 20 географическихъ миль въ ширину и настолько мелководенъ, что нигдѣ не встрѣчается глубины, превышающей 16½ метровъ; подобнымъ же мелководіемъ отличается и море, лежащее къ западу отъ пролива. Очевидно, что перешеекъ, соединявшій нѣкогда громадный островъ съ материкомъ, былъ гораздо шире, нежели узкая полоса Торрессова пролива. Впослѣдствіи либо опустилась суша, либо повысился уровень моря, и всѣ низменности перешейка оказались вслѣдствіе этого подъ водою, надъ уровнемъ которой поднимаются лишь вершины холмовъ и горъ, въ видѣ цѣлаго архипелага мелкихъ и крупныхъ острововъ. На существовавшее нѣкогда соединеніе между обѣими областями ясно указываетъ знакомство съ ихъ фауной. Животный міръ Новой Гвинеи носитъ вполне австралійскій характеръ. Въ виду значительной близости обѣихъ странъ другъ къ другу можно предположить, что заселеніе Новой Гвинеи изъ Австраліи могло произойти и въ томъ случаѣ, если

бы между ними и не существовало непрерывнаго сухопутнаго соединенія. Птицы и многія насѣкомыя могли прямо перелетѣть чрезъ Торресовъ проливъ въ Австралію, пользуясь островами Торрессова пролива какъ промежуточными станціями; другія животныя формы, въ томъ числѣ и мелкіе звѣри, могли быть перенесены сюда вмѣстѣ съ пловучимъ лѣсомъ или прямо переплыть проливъ. Однако подобное предположеніе оказывается совершенно невозможнымъ въ примѣненіи къ [крупнымъ звѣрямъ; присутствіе ихъ въ Новой Гвинее, несомнѣнно, произошло путемъ сухопутнаго переселенія съ материка Австраліи; съ другой стороны, въ фаунѣ Новой Гвиней замѣтна очень незначительная примѣсь индо-малайскихъ типовъ животныхъ, изъ чего мы заключаемъ, что сухопутное соединеніе Новой Гвиней съ индо-малайскою областью надо отодвинуть въ болѣе отдаленное прошлое. Правда, въ Новой Гвинее имѣется одно высшее млекопитающее животное, отсутствующее въ Австраліи, именно свинья, которая явилась сюда съ Моллукскихъ острововъ и, по всей вѣроятности, была прямо ввезена человѣкомъ, какъ домашнее животное; дѣйствительно, свинья въ Новой Гвинее существуетъ какъ въ дикомъ, такъ и домашнемъ состояніи.

Несмотря на общее сходство въ характерѣ папуасской и австралійской материковой фауны, все же, при ближайшемъ изслѣдованіи, всегда замѣчается рѣзко выраженное отличіе, притомъ наиболѣе рѣзкое именно у тѣхъ видовъ, для которыхъ море составляетъ непреодолимое препятствіе. Въ Новой Гвинее водятся только два рода сумчатыхъ, совершенно отсутствующіе на материкѣ Австраліи и не найденные тамъ даже въ ископаемомъ состояніи. Изъ птице-звѣрей проехидна живетъ также только въ Новой Гвинее. Виды тѣхъ родовъ, которые одинаково распространены какъ на островѣ, такъ и на материкѣ, отличаются между собою цѣлымъ

рядомъ вторичныхъ признаковъ. Все это указываетъ на то, что отдѣленіе Новой Гвинеи отъ материка произошло въ очень отдаленное время, и животныя по сѣверному и южному берегамъ Торрессова пролива успѣли получить своеобразный отпечатокъ. Уже непродолжительное отдѣленіе острова отъ материка вызываетъ измѣненіе въ его флорѣ и фаунѣ. Еще рѣзче сказывается это измѣненіе, если наблюдать надъ тѣми островами, которые сравнительно давно отдѣлились отъ своихъ материковъ. Прекраснымъ примѣромъ этому могутъ служить острова, примыкающіе къ матерiku Австраліи съ юга, сѣвера и востока: Тасманія — самый молодой островъ, Новая Гвинея, несомнѣнно, отдѣлившаяся отъ материка значительно раньше, и, наконецъ, Новая Зеландія, про которую можно сказать, что со времени появленія млекопитающихъ животныхъ въ Австраліи Новая Зеландія уже не была въ соединеніи ни съ какимъ материкомъ, населеннымъ птице-звѣрями или сумчатыми.

Тасманія, отдѣлившаяся позже другихъ, обнаруживаетъ въ своей фаунѣ еще большее сходство съ фауной южной Австраліи: здѣсь встрѣчается особая разновидность эхидны. Среди кенгуру нѣтъ ни одного новаго вида, зато четыре разновидности. Водящаяся здѣсь разновидность опоссума отличается отъ типичной австралійской болѣе длинною и густою шерстью, что вполне понятно, такъ какъ климатъ Тасманіи холоднѣе климата Австраліи. Сверхъ того, Тасманія имѣетъ особый видъ вомбата, крысы и два рода хищныхъ сумчатыхъ, совершенно отсутствующихъ въ Австраліи: сумчатого волка и такъ называемато „тасманійскаго дьявола“. Однако отнюдь нельзя считать, что оба эти рода появились въ Тасманіи уже послѣ отдѣленія ея отъ материка; нѣкогда они водились и здѣсь, но только вымерли, и сейчасъ сохранились отъ нихъ только ископаемые остатки. По всей вѣроятности, они не вы-

держали борьбы изъ-за пищи съ болѣе высоко-организованнымъ хищникомъ—собакой динго, привезенной дикарями при ихъ переселеніи въ Австралію. Между тѣмъ въ Тасмапії динго никогда не было, благодаря чему и уцѣлѣли здѣсь крупные сумчатые хищники.

VI.

Животный міръ Новой Зеландіи даже сравнительно съ Австраліей поражаетъ своею бѣдностью. Уже это одно указываетъ на то, что Новая Зеландія очень давно отдѣлилась отъ ближайшаго къ ней материка. Изъ звѣрей, въ Новой Зеландіи, кромѣ двухъ видовъ летучихъ мышей, водится еще лѣсная крыса кіоре и ново-зеландская собака. Вслѣдствіе того въ рѣкахъ средней части сѣвернаго острова водится какой-то напоминающій рыбу звѣрь, а по берегамъ океана ловятъ китовъ и дельфиновъ, которые, къ сожалѣнію, вслѣдствіе усиленной охоты за ними, быстро вымираютъ.

Зато значительное количество звѣрей было привезено сюда европейцами. Изъ нихъ самымъ полезнымъ домашнимъ животнымъ въ Новой Зеландіи является овца, вслѣдствіе доставляемаго ею громаднаго количества шерсти; впрочемъ, для коренныхъ обитателей Новой Зеландіи маори гораздо важнѣе оказалась привезенная дотошъ ими невиданная свинья, которая скоро сдѣлалась самымъ необходимымъ домашнимъ животнымъ туземцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго острова свиньи настолько одичали, что встрѣчаются въ горныхъ мѣстностяхъ цѣлыми стадами. Отъ европейскихъ свиней онѣ отличаются болѣе длинными ногами, узкимъ тѣломъ и болѣе значительной высотой, щетина ихъ рѣдкая и имѣетъ болѣе свѣтлую окраску. Охотятся за одичавшими свиньями на лошадяхъ, Подобнымъ же образомъ одичалъ и крупный рогатый

скоть, который сдѣлался настолько боязливъ, что не подпускаетъ къ себѣ на выстрѣлъ. Еще чаще попадаютъ въ гористыхъ мѣстностяхъ южнаго острова косяки дикихъ лошадей; лошади очень невысоки, карачковой или вороной масти. Сильно размножились на Новой Зеландіи и зайцы, особенно въ открытыхъ, поросшихъ травой, холмистыхъ мѣстностяхъ; въ горахъ зайцевъ совершенно нѣтъ. Подобно материку Австраліи, бичомъ земледѣлія являются здѣсь кролики, размножившіеся въ неимовѣрномъ количествѣ. Крысы также водятся цѣлыми стаями въ лѣсахъ западнаго берега, равно какъ и мыши.

Какъ видимъ, всѣ перечисленные животныя являются чуждыми для Новой Зеландіи пришельцами изъ Европы. Характерныхъ для материка Австраліи птицезвѣрей и сумчатыхъ на Новой Зеландіи нѣтъ совершенно. Стало быть, Новая Зеландія отдѣлилась отъ материка Австраліи еще до появленія въ послѣдней сумчатыхъ.

Болѣе разнообразенъ въ Новой Зеландіи міръ птицъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ и своеобразныхъ формъ. Изъ 133 видовъ наземныхъ птицъ 73 вида нигдѣ болѣе, какъ въ Новой Зеландіи, не встрѣчаются. Въ опереніи ихъ преобладаетъ тусклая, неяркая окраска. Къ сожалѣнію, наиболѣе замѣчательныя птицы Новой Зеландіи быстро вымираютъ, а иныя уже окончательно исчезли. Яркой окраской обладаютъ лишь нѣкоторые попугаи съ ихъ красными желтыми или голубыми съ металлическимъ отливомъ перьями. Среди попугаевъ особенно замѣчателенъ кео¹⁾; у него длинный, серповидно-изогнутый клювъ, а голосъ напоминаетъ лай собаки. Держится этотъ попугай въ области высокихъ горъ и свое названіе получилъ въ подражаніе издаваемымъ имъ звукамъ. Тѣло его

¹⁾ *Nestor notabilis*

имѣетъ въ длину до 50 сантиметровъ; въ опереніи преобладаютъ тусклые зеленые тоны; клювъ необычайно великъ и силенъ; крупныя, острыя къ концу крылья; хвостъ широкій, притупленный. Лѣтомъ этотъ попугай живетъ въ горахъ, гдѣ дѣлаетъ себѣ гнѣздо въ заросляхъ можжевельника; зимою спускается внизъ, въ долины. Постепенно эта птица отвыкла отъ растительной пищи и перешла на животную. Зимою эти попугаи любятъ держаться около боевъ, питаюсь ихъ многочисленными отбросами, а иногда дерзко нападаютъ даже на живыхъ овецъ. Вредъ, причиняемый этими попугаями овечьимъ стадамъ, настолько великъ, что правительство Новой Зеландіи выдаетъ денежную награду за каждого убитаго кео.

Обычнымъ жителемъ ново-зеландскихъ лѣсовъ является попугай кака. Онъ держится въ самыхъ дремучихъ дебряхъ лѣса, гдѣ всѣ стволы деревьевъ покрыты мягкими подушками мха, устланы вѣтвистыми плетями плауна, увиты длинными побѣгами цѣпкихъ растений, куда не проникаютъ черезъ зеленую чащу лучи солнца. Здѣсь кака чувствуетъ себя дома, беззаботно перескакиваетъ съ одной вѣтки на другую, ловко взбирается по нимъ кверху и издаетъ тѣ характерные звуки, отъ которыхъ онъ получилъ свое названіе.

Характерной формой является также ночной попугай какапо. Онъ держится въ горныхъ долинахъ и только ночью выбирается изъ своего убѣжища, чтобы полакомиться ягодами куста туту и поискать корней папоротника. Въ этихъ же мѣстностяхъ живутъ два вида утокъ, чайки и одна безкрылая болотная птица, весьма быстрая на ходу и съ очень вороватыми наклонностями. Это—такъ называемая сэка, необычайно быстро бѣгающая.

На южной оконечности Новой Зеландіи водятся два вида мелкихъ пингвиновъ и носятся цѣлыя стаи альбатросовъ, буревѣстниковъ, чаекъ и морскихъ ласто-

чекъ. Пѣвчихъ птицъ сравнительно мало. Никто до сихъ поръ не слыхалъ пѣнія ни ново-зеландскаго жаворонка ¹⁾, ни скворцовъ. Лучшей пѣвчей птицей Новой Зеландіи считается зеленая, отливающая металлическимъ блескомъ поэ ²⁾, величиною съ ворону, за ней слѣдуетъ кокоримоко ³⁾. Среди голубей привлекаетъ къ себѣ вниманіе куку ⁴⁾.

Уже у ночного попугая какапо употребленіе крыльевъ очень ограничено, но въ Новой Зеландіи есть и такія птицы, у которыхъ крылья исчезли почти совершенно. Таковы различные виды ново-зеландскаго безкрыла или киви. Эти птицы, величиною съ крупную курицу покрыты длинными волосистыми перьями, которыя совершенно скрадываютъ зачатки крыльевъ. При своихъ передвиженіяхъ киви должны полагаться исключительно на силу своихъ ногъ, которыя у нихъ необычайно толсты, хотя и низки. Три пальца обращены впередъ и снабжены когтями, приспособленными для разрѣзыванія земли, четвертый короткій палецъ обращенъ назадъ. Длинный клювъ напоминаетъ клювъ вальдшнепа; онъ служитъ для схватыванія червей и личинокъ насѣкомыхъ, на разыскиваніе которыхъ киви отправляется преимущественно ночью. Два раза въ годъ эти удивительныя животныя откладываютъ по одному необычайно крупному яйцу. помѣщая его въ выкопанное предварительно углубленіе въ землѣ. Киви былъ открытъ въ 1812 году и впервые описанъ въ 1833 году. Въ настоящее время выяснилось, что киви имѣется четыре вида, распространенныхъ по обоимъ островамъ Новой Зеландіи, въ наиболѣе недоступныхъ мѣстностяхъ. Наиболѣе обыкновенный видъ киви изображенъ на нашемъ рисункѣ; онъ живетъ на сѣверномъ островѣ и обладаетъ темнымъ опереніемъ съ красноватымъ отливомъ.

¹⁾ *Alauda Novae Zelandiae*. ²⁾ *Prosthemadera circinata*. ³⁾ *Anthornis melanura*. ⁴⁾ *Carpophaga Novae Zelandiae*.

Еще не такъ давно киви была не единственной безкрылою птицей Новой Зеландіи; ближайшими сородичами ея были птицы моа, въ настоящее время окончательно исчезнувшія. До сихъ поръ еще ведутся споры, застали ли маори при своемъ переселеніи въ Новую Зеландію моа или нѣтъ, такъ какъ о существованіи

К и в и.

этихъ гигантскихъ птицъ мы заключаемъ лишь по ихъ ископаемымъ остаткамъ.

Первое извѣстіе объ этихъ исполинскихъ птицахъ европейскіе переселенцы получили отъ туземцевъ Новой Зеландіи—маори; дикари рассказывали о тѣхъ по-бойщахъ, которыя вели ихъ предки съ чудовищными, страшными птицами моа. Туземцы указывали европейцамъ мѣсто подъ большимъ старымъ деревомъ, на

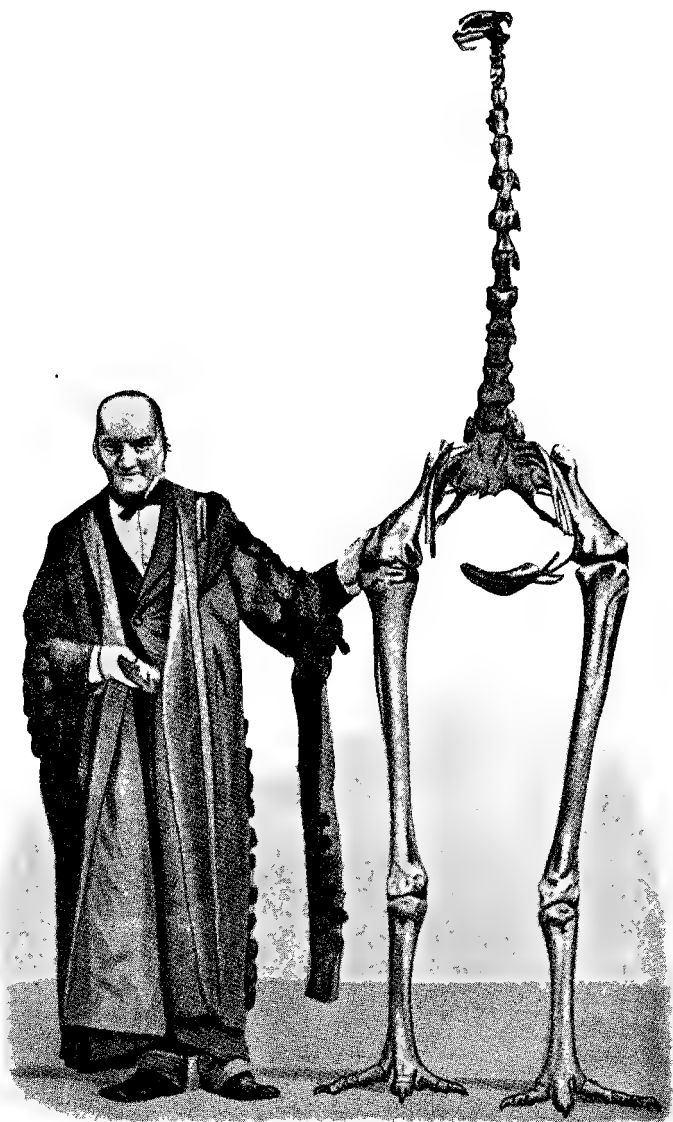
К и в и.

которомъ, по преданіямъ, былъ убитъ послѣ долгаго и опаснаго боя послѣдній моа. Въ доказательство своихъ словъ туземцы показывали миссіонерамъ большія кости, разбросанныя по берегамъ озеръ, болотъ, на морскомъ побережьѣ и въ известковыхъ пещерахъ. Въ 1839 году привезли въ первый разъ такую кость въ Англію; по величинѣ ее можно было бы принять за воловью, но знаменитый англійскій анатомъ Оуэнъ, изслѣдовавъ ея строеніе, доказалъ, что она принадлежитъ къ птичьему скелету. Нѣсколько лѣтъ спустя этому же самому ученому удалось изъ разныхъ остатковъ костей сложить ноги этого великана птичьяго царства; одни эти ноги были высотой въ полтора метра, т.-е. около двухъ аршинъ, слѣдовательно, сама птица достигала, по крайней мѣрѣ, четырехъ аршинъ. Другія найденныя кости этой птицы дали возможность заключить, что высота ея превышала три метра (болѣе четырехъ аршинъ).

Съ 1847 по 1850 годъ Уокеръ-Мантелль собралъ болѣе тысячи костей и множество яичныхъ скорлупъ этихъ гигантовъ птичьяго царства; изъ этого богатаго матеріала Оуэнъ составилъ нѣсколько скелетовъ и опредѣлилъ, что существовало нѣсколько породъ этихъ громадныхъ страусоподобныхъ птицъ.

Яйца моа, найденныя на Новой Зеландіи, несравненно больше страусовыхъ. Одна изъ яичныхъ скорлупъ, почти цѣликомъ сохранившаяся, имѣла въ длину около семи вершковъ, а въ поперечникѣ пять съ половиной вершковъ.

Возлѣ костей моа постоянно находили кучки округленныхъ камешковъ со сглаженными краями; туземцы называли ихъ камнями моа; округлая форма ихъ объясняется тѣмъ, что, находясь въ желудкѣ моа, они взаимно терлись другъ о друга. Вѣроятно, эти исполинскія птицы, подобно страусамъ, заглатывали камешки, которые своимъ движеніемъ помогали работѣ

· Профессоръ Оуэнъ рядомъ съ собраннымъ имъ скелетомъ птицы моа.

ихъ жевательнаго желудка. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что то же самое мы встрѣчаемъ у австралійскихъ эму; то же замѣчается и у многихъ нашихъ птицъ. Наконецъ, однажды удалось найти въ слояхъ известняка нѣсколько полныхъ скелетовъ моа, при чемъ какъ разъ на томъ мѣстѣ внутри скелета, гдѣ долженъ былъ находиться желудокъ, лежали кучи этихъ камешковъ.

Основываясь на громадномъ количествѣ найденныхъ костей моа, а также и на разсказахъ туземцевъ, надобно допустить, что моа въ огромномъ количествѣ населяли какъ сѣверный, такъ и южный островъ Новой Зеландіи, притомъ истреблены они сравнительно въ недавнее время, такъ какъ кости ихъ разбросаны прямо на поверхности земли или очень недалеко подъ землю. Сверхъ того, они часто бываютъ перемѣшаны съ костями животныхъ, которыя и теперь еще живутъ въ Новой Зеландіи. Все это указываетъ на то, что птицы моа были истреблены преимущественно человѣкомъ.

Еще нѣсколько столѣтій тому назадъ всѣ долины, лѣса и пещеры Новой Зеландіи были полны моа. Эти птицы, по всей вѣроятности, питались растительною пищею, преимущественно съѣдобными кореньями папоротниковъ, которыхъ повсюду здѣсь очень много. Сами же птицы составляли пищу для племенъ маори, переселившихся на острова.

Чѣмъ объяснить отсутствіе крыльевъ у ново-зеландскихъ птицъ?

По всей вѣроятности, это объясняется тѣмъ, что на Новой Зеландіи нѣтъ хищниковъ, которые дѣлали бы необходимымъ для птицы искать спасенія въ воздухѣ. Само собою понятно, что постепенная утрата крыльевъ могла совершиться лишь въ теченіе громаднаго промежутка времени, что, опять-таки, говоритъ въ пользу очень древняго отдѣленія этого острова отъ материка.

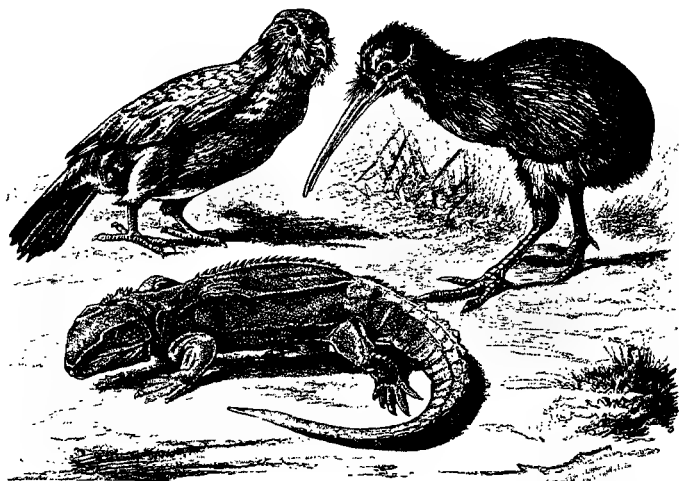
На Новой Зеландіи есть еще нѣсколько своеобраз-

Предполагаемая вывощина пингвина

ныхъ птицъ. Одна изъ нихъ, красноклювый дергачъ ¹⁾, хотя и имѣетъ крылья, но уже не въ состоянїи ими пользоваться, другая имѣетъ удивительной формы клювъ, изогнутый на сторону. Смыслъ подобной формы клюва совершенно неясенъ.

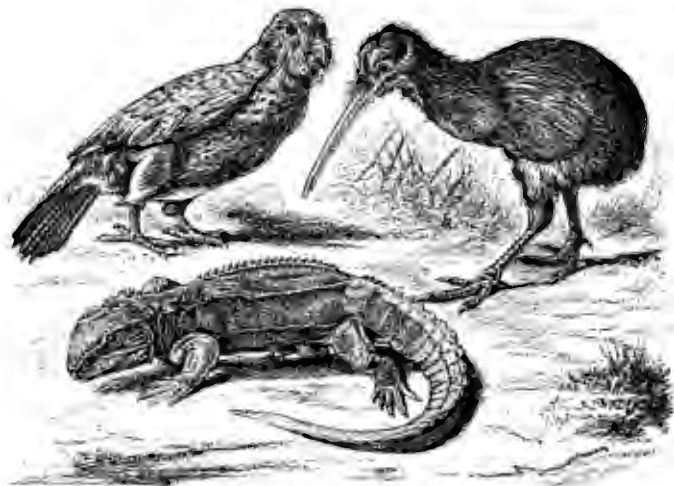
Міръ пресмыкающихся и земноводныхъ Новой Зеландїи хотя и небогатъ, но также заключаетъ въ себѣ нѣсколько своеобразныхъ формъ. Змѣй и черепахъ

Живогныя Новой Зеландїи: какапо, киви и туатора.

нѣтъ совершенно, изъ лягушекъ имѣется только одинъ видъ; онъ водится въ золотonosныхъ ручьяхъ сѣвернаго острова и очень напоминаетъ перуанскую лягушку. Любопытно, что ранѣе этотъ видъ былъ совершенно неизвѣстенъ туземцамъ; можетъ быть, онъ занесенъ въ Новую Зеландїю только въ новѣйшее время. Изъ ящерицъ самая крупная—туатара. Эта ящерица удивительнымъ образомъ соединяетъ въ себѣ признаки ящерицъ и крокодиловъ, ребра же ея напоминаютъ ребра птицъ. Подобныя формы животныхъ, соединяющія въ

¹⁾ *Notornis mantelli*.

Животные Новой Зеландии: мауи, киви и туатара.

себѣ признаки нѣсколькихъ классовъ, нерѣдки среди ископаемыхъ.

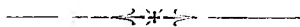
Рыбы въ рѣкахъ Новой Зеландіи немного. Самая извѣстная среди нихъ это—угорь, достигающій иногда полутора пудовъ вѣса. Мало также и видовъ насѣкомыхъ; зато изъ одиннадцати видовъ бабочекъ, водящихся въ Новой Зеландіи, шесть видовъ нигдѣ больше не встрѣчаются. Громадный жукъ вета, живущій въ гниломъ деревѣ и корѣ, достигаетъ 35 сантиметровъ въ длину. Москиты несмѣтными роями толкуются въ прибрежныхъ лѣсахъ; по рѣкамъ и морскому побережью водится много комаровъ. Ново-зеландскій тараканъ выдѣляетъ ѣдкую жидкость съ такимъ неприятнымъ запахомъ, что дома, гдѣ онъ поселится, становятся на нѣсколько дней какъ бы отравленными.

Итакъ, животный міръ острововъ Новой Зеландіи имѣетъ также австралійскій характеръ; несомнѣнно однако же, что Новая Зеландія уже очень давно отдѣлилась отъ материка, который въ то время самъ распадался на нѣсколько острововъ. Въ составъ одного острова входила теперешняя Западная Австралія, простиравшаяся въ то время гораздо далѣе къ западу и къ югу, нежели теперь. Другой, восточный, островъ состоялъ изъ Тасманіи, восточнаго побережья современнаго австралійскаго материка и частей Новой Гвиней. Широкій проливъ отдѣлялъ его отъ западнаго материка. Новая Зеландія соединялась съ этимъ австралійскимъ островомъ перешейкомъ, имѣвшимъ направление съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Послѣдними остатками этого перешейка служатъ острова Норфольскіе и длинная подводная мель.

Вотъ какія сложныя географическія картины отдаленнаго прошлаго рисуетъ намъ сравнительное изученіе распредѣленія животнаго міра Австраліи!

VII.

На предшествующихъ страницахъ мы познакомились съ цѣлымъ рядомъ австралійскихъ животныхъ. Повсюду мы встрѣчали совершенно чуждые для насъ, жителей Стараго Свѣта, формы. Рѣзче всего это бросалось въ глаза при знакомствѣ со звѣрями Австраліи, но и среди птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ, рыбъ и даже низшихъ животныхъ мы встрѣтили немало совершенно особыхъ своеобразныхъ формъ. Дѣйствительно, животныхъ Австраліи можно противоположить животнымъ всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что уже съ незапамятныхъ временъ Австралія не имѣла никакого сухопутнаго соединенія съ остальными материками, между тѣмъ какъ три материка Стараго Свѣта связаны между собою, а Сѣверная Америка въ прежнее время соединялась съ сѣверными областями Стараго Свѣта. Одна только Австралія одинокой сиротой лежитъ среди необъятнаго океана, отдѣленная отъ другихъ материковъ глубокими пучинами и громадными водными пространствами, тая въ себѣ цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ „живыхъ ископаемыхъ“, въ другихъ областяхъ земного шара давно уже исчезнувшихъ съ лица земли.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются
слѣдующія книги

Павла Вольжогорскаго:

ВЪ ЛѢСУ И ВЪ ПОЛѢ.

Очерки изъ жизни животныхъ и растений. Съ 137 рисун. и отдѣльной раскрашенной таблицей Цѣна въ обложкѣ 2 руб. 75 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб. 50 коп.

Содержаніе: Чужезды.—Пернатые архитекторы.—Оружіе растений.—Страничка изъ жизни лѣса.—Маскарады насекомыхъ и пауковъ.—Восемногие хищники.—Лѣтнею ночью.—Листопадъ.—Бабье лѣто.—Паутина.—Исчезающія животныя.—Зимняя прогулка.—Подземные жители.—Подъ снѣгомъ.

Книга эта одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ средн. и старш. возраст. библиот. всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Рекомендована Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Растенія—друзья человѣка.

Очерки и картины изъ жизни разводимыхъ растений земнаго шара и ихъ отношеній къ человѣку. Съ 273 рисунками. Цѣна 3 руб. въ переплетѣ.

Содержаніе: Пищевые злаки.—Хлѣбныя растения.—Дожнь.—Сорго — Такусса.—Рисъ —Маисъ.—Овощи.—Калуста —Огурцы, дыни, тыква и сородичи —Лукъ —Картофель —Тропическіе корнеплоды.—Пальмы.—Плодовыя растения.—Виноградъ.—Маслина.—Бананъ и хлѣбное дерево.—Агрумы. — Технические растения. — Хлопчатникъ. — Ленъ, конопля, джугъ.—Бамбукъ.—Сахарный тростникъ и сахарная свекловича.—Каучукъ и гуттаперча.—Индиго.—Наркотическія растения.—Чай.—Матэ.—Кофе.—Какао.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ одобрена для библиотекъ подвѣдомствъ. Министерству учебныхъ заведеній.

Включена въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читателей.

Императорскимъ Русскимъ Обществомъ Акклиматизаціи животныхъ и растений книга „Растенія—друзья человека“ удостоена большой серебряной медали.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Съ многочисленными оригинальными рисунками въ текстѣ

Содержаніе. Томъ I. Весна идетъ! ..—Сережки.—Птичье яйцо.—За городомъ весною.—Май мѣсяцъ въ деревнѣ.—Наша рѣчка.—Невидимый кормъ рыбъ.—Желтые листья.—Дремлющая жизнь.—По первой порошѣ.—Зима.—Елка. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ папкѣ 1 руб. 75 коп., въ переплетѣ 2 руб.

Томъ II. Въ мірѣ цвѣтовъ.—Открытая тайна природы.—Цвѣтокъ обманчикъ.—Василекъ.—Цвѣтокъ страстей Христовыхъ.—Кувшинки.—Игры животныхъ.—Ядовитые пауки.—Однодневки.—Карлъ Максимовичъ Беръ.—Левъ Семеновичъ Цейковский.

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

Иллюстрированная географическая библіотека

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Страна живыхъ ископаемыхъ.

Съ хромофотографированной картиной и 60 рисункъ въ текстѣ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ВЕЛИКІЙ ПУТЬ.

Съ картой сибирской желѣзной дороги и 74 рисун. въ текстѣ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ (печатается):

Амазонка—царица рѣкъ.

Съ хромофотографированной картиной и 60 рисунокъ въ текстѣ.

